

18+

ЯРОСЛАВА КАЗАКОВА

ЧУДО ЗАМОРСКОЕ

Ярослава Казакова

**Чудо заморское.
Повесть и рассказы**

«Издательские решения»

Казакова Я.

Чудо заморское. Повесть и рассказы / Я. Казакова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513411-0

Жизнь нередко исполняет наши желания, когда мы уже думать о них забыли. Часто на деле они оказываются не тем, чем грезилась. Однако мир этим и интересен. Главная героиня повести не даст обмануть. Её жизнь полна резких поворотов, странных событий и мечтаний, сбывающихся самым неожиданным образом.

ISBN 978-5-00-513411-0

© Казакова Я.
© Издательские решения

Содержание

Рассказы	6
Ни к одному месту	6
Исповедь	9
Серьёзные намерения	14
Перепад	17
Подарок	20
Уничтожен	24
Чудо заморское	28
Глава 1	28
Глава 2	32
Глава 3	38
Глава 4	41
Глава 5	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Чудо заморское Повесть и рассказы

Ярослава Казакова

© Ярослава Казакова, 2020

ISBN 978-5-0051-3411-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы

Ни к одному месту

– Успокойтесь, мамаша! Мне ни к одному месту не приболел ваш сын!
– Да, я и не собиралась...
– А я собиралась! Только он не устаёт в последние полгода демонстрировать, какая он на самом деле незрелая, безответственная личность!
– Я не безответственный! Просто я...
– Молчи, когда старшие разговаривают!
– Ира! Ты меня за человека не считаешь?
– Нет, конечно! Какой же ты человек? Ты у нас полубог. На тебя разве что молиться, да и то, если ты только сам...

– Долго ты ещё будешь надо мной изгаляться?

– Нет. Сейчас уйду. У меня через два с половиной часа самолёт в Испанию.

Мать Александра недоуменно переводила взгляд с одного на другую. Она была наслышана об Ираиде, но вживую видела её впервые. Слухи о том, что у её знаменитого сына роман с этой женщиной, похаживали давно, последние лет пять, но она не придавала им значения. Если верить жёлтой прессе, Александр с кем только не затевал романов, однако результата нет: тридцатитрёхлетний красавец-спортсмен-миллионер не женат и бабушкой свою мать так и не сделал. Теперь, узнав о том, что её непутёвая кровиночка опять в больнице, Марта примчалась, а тут такое!..

– Как в Испанию?! Почему в Испанию?! Ты обещала побыть со мной до конца дня, а сама...

– Я пошутила, – отозвалась Ираида, напряжённо глядя на свои наручные часы мужского образца. – К тому же, в Москве сейчас пять часов, самый, что ни наесть, конец дня, и, вообще, не морочь мне голову. Я никак не могу сообразить, что везти Демичу в подарок.

– При чём здесь он?!

Сколько обиды в голосе!

– Он твой друг, – Ираида, похоже, решила проигнорировать обиду Александра. – Скажи, что он любит?

Александр устало откинулся на подушки и, решив по привычке прикрыть глаза левой рукой, заехал себе по лбу гипсом. Это раздосадовало красавца до такой степени, что он выругался вслух. Марте сделалось неловко.

– Спасибо, что помогли Александру добраться до клиники, – сказала она, обращаясь к Ираиде.

– Не за что, – откликнулась та, набирая кому-то сообщение. – Хорошо, что он валялся пьяный и избитый именно в том парке, куда я хожу по утрам на пробежку. Видели бы вы глаза моих соседей и консьержа, когда я привела его к себе домой! – Ираида расхохоталась, как студентка при виде вредного препода, валяющегося в луже. – Весь в кровище, грязюке, собачьем дерьме!..

– За что ты меня так ненавидишь? – Устало поинтересовался Александр.

– Ненавижу до такой степени, что тащила тебя на себе, позорясь, через весь парк, а потом квартал? Так ненавижу, что мыла тебя, бомжа помойного, в собственной ванной? Я понимаю, ты, конечно, к фаянсовым с лепниной чудесам сантехники привык, но, уж извините! Чем богаты...

– Ты давно могла бы стать богатой, Ираида.

– Если бы могла, то стала бы, а коли не стала, значит, не могла.

– Где вы так хорошо освоили наш язык? – Спросила Марта, дабы отвлечь сына и его, как она теперь уже хорошо понимала, страстную любовь от их нескончаемой перепалки.

– Сначала изучала в школе, потом в университете, после на курсах, – принялась та добросовестно перечислять, – а в последние года четыре-пять с одним дяденькой по Интернету переписывалась-переписывалась, да так и выучила незаметно.

– С одним дяденькой?! – Взметнулся Александр. – Я для тебя, значит, «один дяденька»! Очаровательно! Восхитительно!

– Почему ты решил, что я именно тебя имела в виду? – Пожала Ираида изящными плечиками, укрытыми лёгкой тканью хлопкового платья в оранжевую и чёрную полоску. – Мало ли дяденек в Интернете?

– Я видела недавно фильм по одной из ваших ранних книг. Забыла название, – Марта снова попыталась завести светскую беседу. – На мой взгляд он...

– ...полное дерьмо, – заключила Ираида, – как и книга. Не могли взять произведение более позднего периода, когда я уже не так позорно писала.

– Ну, почему же позорно? Мне многие ваши ранние произведения нравятся.

– Невероятно польщена, – ответила Ираида, и лицо её при этом не выражало ровным счётом ничего. – Мне пора. Простите. До аэропорта ещё надо добраться, а там регистрация и всё такое.

– Передавайте от нас привет Демичу и скажите ему...

– ...чтоб он провалился! – Гневно выпалил Александр.

– Не расстраивайся так, – промолвила Ираида, и в её голосе даже прозвучало что-то, похожее на нежность и сочувствие, что заставило тёмные глаза Александра засветиться искорками радости. – Лучше выздоравливай поскорее.

– Не ездь к Демичу! – Взмолился больной неожиданно.

– Не могу. Для него важно, чтобы я присутствовала на его выставке. Он прислал мне оплаченный билет.

– А ты...

– А я ему написала, что я не ободранная кошка и могу купить билет сама.

Александр счастливо засмеялся. Марта тоже улыбалась вежливо.

– А он что?

– Он сказал, чтобы я прекратила играть в феминистку. Мне не идёт. Всё. Пока. Я побежала.

– Иретта! Стой! – Она замерла у порога с перекинутым через плечо оранжевым рюкзаком. – Ты навестишь меня, когда вернёшься?

– Планируешь пролежать здесь месяц? – Искренне удивилась Ираида. – Не знала, что ты настолько любишь больницы!

Ираида исчезла за дверью. Александр снова заехал себе гипсом по лбу и негромко ругнулся.

– У вас с ней что-то было? – Марте стоило большого труда преодолеть свою с детства любовно взращённую тактичность.

– Мы целовались однажды, – признался Александр, отводя взор. – На Мачу Пикчу, – внёс он ценное уточнение. – Ираида без ума от загробной романтики и всякой древней петрушки. У неё даже оптимизм какой-то загробный, а любовь к жизни и к людям настолько циничная, что...

– Ты её любишь, – сказала Марта, глядя прямо на сына своими лучистыми карими глазами.

– Это не имеет никакого значения, – устало отозвался тот.

– Конечно, – согласилась Марта. – Тебе не светит быть с этой женщиной.

- Почему?
- Потому что она слишком ценит своё время, чтобы тратить его на незрелую, безответственную личность.

Исповедь

– ...авария. Да, с жертвами. Женщина, похоже, мертва, а мужчина серьёзно ранен.

Симона буквально кричала в телефон. Плохая связь? Стресс? Да, нет. Это её обычная манера говорить. Увидев Симону впервые, Ираида никак не могла заподозрить в ней таролога и звездочёта: камуфляжные штаны, грубые ботинки, сумка боевого командира через плечо. Добавьте к этому стрижку «под расчёску», резкий голос, отрывистые фразы и неизменную сигарету в тонких, кривоватых пальцах и получите полный портрет современной «госпожи Ленорман».

«Гоповатый астролог», – так охарактеризовала Симону старшая дочь Ираиды Кристина.

– Ты уверена в её адекватности? – Поинтересовалась младшая, Валерия, спускаясь на нашу грешную землю с небес чистой психологической науки.

Дочки-погодки умны не по возрасту. Условия, в которых они оказались, не позволяли им расти другими. Их мать сама выросла вместе с ними, и им трём пришлось пройти через такое... Ираида ненавидит вспоминать об этом. Она никогда не говорит об отце девочек и его новой семье.

Ей уже не больно. Любая боль с годами притупляется. Ей противно. Ираида крайне брезглива во всём, что касается отношений, и это её тормоз и оберег на все времена. Она не подпускает близко никого из мужчин. Умея дружить с ними, она, кажется, никого и никогда больше не полюбит, а мысль о том, чтобы переспать с женщиной кажется не просто противной, а отвратительной.

– Она моя муза, – говорит Ираида о Симоне так, словно это объясняет всё.

«У них отношения», – судачит озабоченная общественность.

– Она твоя новая подруга, и ты очарована ею, – говорит Кристина, вытирая кисть от масляной краски.

– Это пройдёт, – констатирует, вздыхая, Валерия, и её сливово-синие, как у отца, глаза скашиваются в сторону книжных полок.

«Вы ничего не понимаете в жизни!» – Эту фразу Ираида никогда не скажет своим дочкам, потому что в жизни никто ничего не понимает, как бы ни доказывал с пеной у рта обратного. Как, скажите, может такое быть, что она, Ираида Рудова, с детских лет совершенно чуждая, какой бы то ни было, эзотерики и магии, едет со съёмки передачи мистического канала, да ещё и в сопровождении одного из самых известных мистиков современности?

Симона не понравилась ей сразу. Ираида сочла её сильно прибабахнутой. Через пятнадцать минут общения она поняла, что не встречала в жизни более разумного человека. Ещё через час известный прозаик Ираида Рудова вдохновенно сочиняла стих, чего с ней не случилось в последние лет пять, с того самого времени, когда... Стоп! Об этом нельзя. Иначе – полный провал. Крах. Боль и ужас.

– Тормози! – Истошно выкрикнула Симона, едва завидев кучу искореженного металла на трассе.

Почти новый «Бугатти» врезался в столб, и его развернуло и протащило далеко вперёд. В нём умирала длинноволосая женщина в коротких джинсовых шортах, пронзённая металлическим штырём. Её лицо уже почти превратилось в маску смерти. Рядом с автомобилем ползал, истекая кровью, мужчина в белой шёлковой рубашке и чёрных брюках от вечернего костюма.

Ираида не помнила, как выходила из машины, бежала (шла?) к пострадавшим, что думала и говорила в тот момент. Сейчас голова пострадавшего лежала на её коленях. Тёмная кровь залила цветастую юбку Ираиды, нарисовав поверх жёлтых и розовых цветов ещё и красно-коричневые, страшные, уродливые.

Лицо мужчины разбито так, что похоже на кусок мяса с глазами. Правый глаз, кажется, спасти не удастся. У незнакомца помимо всего прочего повреждена яремная вена. Ираида зажимает её пальцами, но лужа крови под спиной мужчины всё равно увеличивается, медленно, зловеще. Судя по всему, повреждены ещё какие-то крупные сосуды. Заметив это, Ираида цветисто выругалась по-русски. Мужчина вздрогнул и уставился на неё полным боли и безнадёжности взглядом.

– Русская?! – Простонал он. – Какая удача! Я умру на руках русской женщины. Как мне опротивело здесь всё, если бы ты знала, сестрёнка!

– Лучше молчите и не двигайтесь, – посоветовала Ираида. – Так больше шансов выжить.

– Я не выживу, – сообщил незнакомец замогильным голосом. – Даже если «Скорая» приедет раньше, чем я скопычусь, у меня от печени один гнилой пенёк остался. Если бы ты знала, сестрёнка, чем я пичкал себя последние лет десять! – Пострадавший невесело усмехнулся, и лицо его сделалось от этого эскизом для персонажа фильма ужасов. – Я собрал все мыслимые и немыслимые болячки через грязные шприцы и баб. Мне незачем выживать. Всё равно сдохну, как собака, где-нибудь под забором или в канаве. Лучше на твоих руках.

– Они сказали, машина будет не раньше, чем через полчаса. Держитесь! – Сообщила Симона, подходя. – Ой... – Она негромко выругалась, увидев, что произошло с лицом и телом несчастного. – Можно я отойду?

– А можно ты повернёшь его набок и зажмёшь рукой повреждённый сосуд? – Поинтересовалась Ираида весьма экспрессивно на родном языке Симоны.

– Боюсь, я упаду в обморок, – отозвалась та смущённо.

– Давайте все упадём и будем валяться, а человек пусть погибает! – Она ещё никогда не была до такой степени зла на свою музу и подругу.

Та стояла с виноватым видом неподалёку и даже не думала приближаться. Вот, вам и грубые ботинки, и гошоватость, и рассказы про бытность воительницей в прошлой жизни в придачу!

– Не ругай её, сестрёнка, – произнёс незнакомец через силу. – Я всё одно не жилец. Тебя саму как звать-то? Меня Серёга.

– Ираида. Можно просто Ира.

– Ираида... Ирочка... Была в моей жизни девочка с таким именем, которую я очень сильно обидел, да ещё и по подлому так, за деньги. Ты на неё чем-то похожа, но нет... У той глаза были, что твоё небушко, чистые, добрые. Да, и сама она была, как ангел небесный, милая, нежная... Ты совсем другая – чёткая, строгая, правильная...

– Сергей, молчите, прошу вас! – Прервала Ираида. – Когда вы разговариваете, кровь идёт сильнее.

– Это неважно. Мне сейчас гораздо важнее исповедаться, прежде чем черти меня в ад потащат. Они уже караулят меня. Один из-за машины только что выглянул, другой по небу пролетел.

«Ещё хлеще! – Подумала Ираида с досадой. – Белая горячка ко всему прочему».

О том, что сказал умирающий негодяй о девушке, её тётке, которую он якобы обидел когда-то за деньги, Ираида старалась не думать. Мало ли совпадений бывает? К тому же, у Сергея явно повреждено сознание. Не стоит вслушиваться в его слова.

Симона предсказала Ираиде сегодня утром встречу с прошлым. Неужели это... Нет, не может быть! Мало ли, что было в её прошлом? Почему она должна встретить именно *это*?! Нет, что бы ни сказал странный человек, устроивший жуткую аварию, она не станет его слушать. Он просто не в себе.

– Ваша спутница мертва, – сообщила Симона по-итальянски.

– Ну, и хрен с ней! – Досадливо отмахнулся Сергей.

– Кто она вам? – Спросила Ираида.

– Никто. Проститня какая-то. Я тоже проститня мужского рода. Сегодня и впрямь доброе утро. Двумя проститнями на свете стало меньше.

Он хрипло захохотал, от чего лужа крови под ним резко увеличилась и пошла безобразными, ломаными волнами. Обеих подруг обуял ужас. Симона расплакалась.

– Скажи подруге, чтобы не расстраивалась из-за меня. Я того не стою, – произнёс Сергей севшим голосом. – Я такую девочку обидел... за деньги... семью её разбил... две дочки остались... погодочки... – Из глаз Сергея потекли слёзы, прожигая дорожки в кроваво-коричневой жиже. – Теперь... Натаха... проститня... сучья... с ним... – Паузы между словами становились длиннее. Лужа крови перестала увеличиваться, но это уже не внушало надежды. – Она... заплатила... мне... чтобы... подставил... рассорил... развёл...

Ираида поняла, что тоже плачет. С ней не случалось этого очень давно. С того самого дня, когда...

– Победный гол забивает наш суперзащитник Дмитрий Вяткин! – Вопит комментатор, надрываясь. – Кто бы мог подумать?! В самый неожиданный момент! Буквально на последних секундах...

Она радуется вместе со всеми на трибуне для почётных гостей. Дмитрий Вяткин – её муж, первый и единственный её мужчина. Пусть другие женятся и разводятся по сто раз за жизнь, они с Димочкой не будут. Они нашли друг друга на его выпускном вечере, и им никто больше не нужен.

Дмитрий – не только отличный футболист и красавец-блондин с самым необычным в мире голубым оттенком глаз. Он ещё хороший друг и товарищ по команде, небывалый скромник, замечательный муж и отец. Человек глубоко верующий, а недавно ещё и воцерковлённый. Она его законная жена уже почти восемь лет, несмотря на то, что ей только двадцать пять, а на ближайшее воскресенье назначено их венчание в храме. Они крестили там обеих своих дочек. Там служит любимый священник Димочки отец Константин.

Она спускается с трибуны и идёт встречать дорогого супруга с поля. Остальные жёны и девушки игроков, как всегда, замешкались, заболтались, прособирались. Она никогда их не ждёт. Ираида ненавидит ходить со стадом. Она вам не корова.

Неожиданно её хватает за плечо огромная, волосатая рука. Другая зажимает Ираиде рот. Она сопротивляется, но получает пинок в живот такой силы, что её буквально разрывает от боли пополам, а перед глазами темнеет. Кажется, их трое. Ираиду грубо швыряют, и она влетает головой в дверцу металлического шкафа. Дальнейшее она помнит смутно.

Она не помнит, как оказалась в общей раздевалке почти без одежды. Рядом незнакомый парень с обнажённым торсом. Он высокий и симпатичный, но облик его до ужаса отталкивающий. Непонятно, что тому виной – подловатый прищур в глазах неопределённого цвета, хищный оскал вместо улыбки, то и другое вместе... Вокруг собралась вся команда и тренерский штаб. Парень рассказывает, как Ираида сама затащила его сюда. «Эта лошадь» вообще-то не в его вкусе, но вы, ведь, понимаете, пацаны...

Пацаны всё поняли. Доказывать обратное бесполезно, она пыталась. Ираида была рада, что Дмитрий не претендует на дочек. Он инициировал через адвоката процедуру развода и установления отцовства и, получив полное подтверждение последнего, регулярно выплачивает бывшей жене алименты на девочек. Праведник Димочка не желает больше никаких контактов с «неверной гадиной» и их детьми.

Вскоре он обвенчался в том самом храме с девицей Наташенькой, выпускницей хореографического училища. Лицом она напоминала верблюда, а статью гориллу, и ни в один театр её почему-то не приняли. Натали танцевала в стрип-клубе, но рассказывала всем, что она модель. Это всё было неважно. Главное – человек она хороший. Слова правильные говорит. «Глоточки от тоски» Димочке наливает. Из церкви не вылезает.

С тех пор Ираида ни перед кем не оправдывается. Никому ничего не доказывает. Ни перед кем не лебезит. Быть жёсткой в кислотной среде нормально. Медленнее растворяться будешь.

– Ты помнишь фамилию той, которая велела тебе подставить Ираиду? – Спросила она умирающего, не надеясь на ответ.

– Рыльни... ккко... ва, – прерывисто выдохнул тот. – Будь... она... прок...

Он не успел закончить своё проклятье. Ираида закрыла глаза мёртвого и аккуратно сгрузила на асфальт его отяжелевшую голову со своих колен. Она почему-то не сомневалась в ответе.

– Ты сможешь вести? – Спросила Симона, глядя вслед отъезжающей машине «Скорой помощи», которой не суждено было сегодня спасти двух пострадавших – тёмного дельца и проститутку.

– Конечно, куда же я денусь?

– Мне казалось, встреча с прошлым потрясёт тебя сильнее.

– А она состоялась? – Прикинулась Ираида шлангом.

– Первая на сегодня состоялась, а вторая ещё впереди.

«Он говорил по-русски! Что ты могла понять?» – Хотела сказать Ираида, но промолчала и только махнула рукой. Интуиция Симоны сильнее всяких языковых барьеров.

Они прибыли в пункт назначения измочаленными, но изловчились всё же и урвали пару часов дневного сна. Вечером крупное мероприятие – выставка картин Круза Мартина, друга Симоны. Он пишет исключительно на религиозно-эзотерические темы. От его картин исходит такая сила, что Симона после его выставок часа два хохочет, как заведённая. В работах Мартина по её словам намешано столько разной символики в самых нелепых сочетаниях!.. Симоне с трудом удаётся держать серьёзное лицо во время просмотра.

На Ираиду работы Мартина не действуют никак. Однако подруги должны там быть. Подобные мероприятия – всегда шанс познакомиться с нужным человеком, встретить щедрого заказчика, просто приятно провести время. Последнее Ираиде сегодня точно не светило.

– Вяткин!

– Там сам Вяткин!

– Как это, вы не помните? Он целых одиннадцать месяцев играл за наш...

– Здравствуйте, Дмитрий Викторович. Это ваша жена? Познакомите? – Ираида, нагло растолкав всех, первой подошла к высокому во всех смыслах гостю.

Она и сама не маленькая, но рост её лишь немного выше его широкого, слегка костлявого плеча. Они ровесники, но он выглядит её старшим братом, если не дядюшкой.

– Что за каракатицу он привёл с собой? А ещё говорят, русские женщины самые красивые! – Похоже, Мартин сегодня перебрал.

– Тихо! Он может что-то понимать. Это его жена.

Рядом с легендой футбола громоздилось нечто с коричневато-оливковой кожей, пережжёнными, похожими на паклю, волосами и узкими, злыми глазёнками. При виде Ираиды существо сделалось пунцовым и покрылось испариной.

– Ой! – Ираида картинно сложила на груди маленькие, ухоженные ручки. – У тебя новая жена? А где Наталья?

Ираида помнила девицу Наташеньку крупной, костистой, подкачанной, без капли лишнего жира и с длинными чёрными волосами. «Надо же! – Думала Ираида. – Превратиться в эту кучу меньше, чем за пять лет!» Мадам Вяткина, урождённая Рыльникова, зашипела что-то сквозь стиснутые зубы. Ираида не разобрала. Она не собирается изучать язык неведомых зверушек. Ей четырёх изученных ранее языков с избытком хватает для работы и путешествий.

– ...бывший муж...

– ...страшный скандал...

– ...не простил...

– ...изменила...

Разноязыкий шёпот навязчиво вползал в уши, но Ираиде плевать. Разве это позор? Позор в её жизни уже был, и такой, что по сравнению с ним меркнет всё остальное. Теперь, судя по всему, настала очередь позориться кому-то другому.

– Ну, и что, что изменила? Я бы простил. По мне лучше уж есть торт вдвоём, чем говно в одиночку!

Пьяный голос и деревянный хохот Мартина перекрыл все осторожные шепотки гостей. Из разных уголков зала послышался смех. Лицо суперзащитника сделалось багровым. Кажется, он ещё не до конца забыл язык.

– Ваш приятель Сергей Коблов просил передать вам большой привет и проклятье умирающего, Наталья, – обратилась Ираида к мадам Вяткиной громким, чётким голосом. – Он погиб нынче утром и больше не станет доставлять вам хлопот.

– Я не знаю никакого Коблова! – Зло выплюнула Натали.

Она почти овладела собой.

– Ничего. Скоро узнаете. Сергей – один из главных героев моей документальной повести. Она почти дописана, и её опубликуют даже в случае моей скоростижной смерти.

Ираида в тот момент блефовала, но повесть появится на свет в положенный срок. Не верите – спросите Симону.

– Я никому не позволю разбить мою семью! Я буду драться! – Прошипела Вяткина.

– С удовольствием навешаю вам на ринге, – любезнейше отозвалась Ираида. – Только не на татами. В борьбе сумо у меня нет шансов против этакой биомассы.

– Наглая, зарвавшаяся проститутка!.. – Ожил вдруг Дмитрий.

Лицо его полыхало праведным гневом. Сливово-синие глаза метали красноватые искры.

– ...рядом с тобой, – невозмутимо выдала Ираида. – Вы с ней отличная пара: списанная за профнепригодностью стриптизёрка и пресвятой лох-великомученик. Детишек вам побольше!

Она насмешливо смотрела вслед удаляющимся фигурам бывшего мужа и его шарообразной второй жены. Раздались аплодисменты, сначала редкие и робкие, после переросшие в овацию. Богема – это всё-таки особенная порода людей.

Торжества Ираида не ощущала. Только опустошение и печаль.

Серьёзные намерения

– Если вы хотите быть со мной, Ирэн, вам придётся оставить ваши скромные литературные опыты и всецело отдаться...

Дальше Ираида слушала вполуха. Ей не верилось, что перед ней именно тот человек, чьими романами она зачитывалась в юности, в чьих филигранных строках нередко находила вдохновение для своих стихов и песен. Тогда он казался недостижимым, но жизнь повернула так, что их книги теперь нередко стоят рядом в разделах «Новинки» и «Бестселлеры». Её роман «Офсайд» наделал несколько лет назад много шума и вознёс имя молодой писательницы на вершины рейтингов.

Одни её полюбили, другие возненавидели, но и те, и другие принялись активно интересоваться творческим багажом Ираиды Рудовой. Сборники её рассказов, которые раньше не желало публиковать ни одно издательство, теперь разлетались, как сухие листья под порывами осеннего ветра. Песни зазвучали на радио в исполнении известных певцов и певиц. Самые ловкие литературные агенты выстроились в очередь.

Последняя повесть «Подстава», к слову сказать, документальная, вывернула лицом к свету изнаночные стороны околофутбольной среды, а заодно балета, модельного бизнеса, индустрии развлечений. Ираида не щадила никого и при этом ни капли не боялась выглядеть грязной, смешной или жалкой сама. Ей плевать на репутацию, потому что та разрушена давно и основательно, как и её семейная жизнь, и любовь, и доверие к миру и людям.

Теперь этот самодовольный престарелый индюк за столиком напротив болбочет что-то о «скромных литературных опытах», не стоящих усилий и времени. Всё своё время она, оказывается, сама того не подозревая, мечтает посвятить только ему.

«Никто мне не виноват, – констатировала про себя Ираида. – Нечего было смотреть на него, как на Бога и называть своим королём». Дюруа тем временем заходил в восторгах по поводу того, как его чествовали в последний раз в её родном городе.

Она москвичка до мозга костей. Это всю жизнь сквозило и будет сквозить в её речи, движениях, манере одеваться и общаться. Она любит Москву без памяти, но появляется там в последние восемь лет крайне редко. Чудовищный позор, которому подвергла Ираиду Рудову соперница, разбившая её семью и растоптавшая честь, не оставляет иного выбора, кроме как скитаться на чужбине, появляясь дома лишь изредка.

Её роман и документальная повесть были ответными ударами, и теперь люди, фигурирующие в них, ненавидят Ираиду за ту агрессивную прямоту, с которой она препарировала их жизнь, поступки и характеры. Читатели тоже в шоке от этой чёрной прямоты. Соперница Ираиды теперь в глазах общественности – на ровном месте политая грязью почтенная матрона, а она – очередная скандальная писательница без чести и совести.

Многие думают почему-то, что, если подлость совершена давно, то это уже как бы и не считается. Ираида так не думает. Подлость остаётся подлостью, сколько бы времени ни прошло с момента её свершения. Писательнице Рудовой никого не жаль и ни за что не стыдно. Они сами напросились на позор. Жалость, стыд и любовь давно вмяты теми людьми в дерьмо, и церемониться она с ними не будет.

Дюруа закончил восторгаться собственной неповторимостью и снова завёл речь об их будущей совместной жизни. Он говорил о ней так, словно вопрос уже окончательно решён. Это невероятно веселило Ираиду. Озорная московская девчонка в ней уже дрожала от нетерпения в предчувствии грандиозного развлечения.

– Вы делаете мне предложение, Шарль? – Резко спросила она, когда тот на несколько секунд замолчал, чтобы отхлебнуть немного красного вина редкой марки.

Ираида не намерена разбираться в его сортах, как призывает её знаменитый писатель и претендент на её «скромную литературную руку» Шарль Дюруа. Она не пьёт спиртного. Собеседник вздрогнул и уставился на неё из-под тёмных, дымчатых очков непонимающе.

– Если так, то где цветы, кольца и что там ещё полагается? Или вы думаете, что я настолько бедна и обездолена, что меня достаточно накормить один раз ужином, чтобы я побежала за вами, словно бездомная собачонка?

Дюруа глубоко вздохнул, отставил бокал в сторону и начал своим глубоким, низким голосом:

– Я не счёл нужным покупать колец, потому что не знаю, что и как у нас сложится с вами, Ирэн. И потом, речь шла не о браке, а о попытке совместной жизни. Улавливаете разницу?

– Вы считаете меня уличной девкой, да, Шарль? По-вашему, я могу жить с чужим дяденькой на одной жилплощади на правах не-пойми-кого, да ещё и радоваться при этом?

– Нет, ну, что вы, дорогая! У меня очень серьёзные намерения! – Он попытался прикрыть её маленькую, костлявую ручку своей массивной, пухлой ладонью, но она упредила его, откинувшись в кресле и заложив руки за голову. «Какой смысл в этом жесте со вторым размером груди?» – Подумал Шарль с досадой, а вслух сказал: – Я просто хочу убедиться, что мы с вами подходим друг другу, а для этого перед свадьбой надо пожить какое-то время вместе. Неужели вам не кажется это разумным?

– Мне кажется, вам жаль денег на кольца, – невозмутимо выдала Ираида, – и на цветы, – добавила она, наслаждаясь замешательством собеседника. – А ещё вам нужна ассистентка для ваших литературных опытов, желательно бесплатная.

«Как такая нежная и хрупкая лилия смогла отрастить себе столь ужасные шипы?!» – Возмутился про себя Шарль, а вслух понёс что-то о своём восхищении её красотой и способностями. Наличия таланта Дюруа не признавал ни у кого, кроме одного-единственного человека.

– И потом, вы сами говорили, что я ваш король, а теперь...

– Помню. Я называла вас королём, а вы возражали, что вы старый пират, капитан корабля фантазий! – Ираида расхохоталась беззаботно.

– Извините. Мне надо выйти ненадолго.

«Чёртов поносник!» – Подумала Ираида и полезла в сумочку.

Почему-то совсем некстати вспомнился Александр. Он организовал ей однажды поездку на Мачу Пикчу, едва Ираида заикнулась, что хотела бы побывать там. Она честно предупредила, что между ними ничего не будет, потому что он раздолбай, но однажды ветренной безлунной ночью всё-таки не смогла удержаться от поцелуя на вершине древней, каменистой постройки.

– Почему ты всё время молчишь? О чём ты думаешь? – Спрашивала Камила, заглядывая в глаза любимого.

Он снова лежал, закинув руки за голову, и ничего не хотел. «Опять провёл весь день в пижаме!» – Подумала она с горечью.

Они с Александром четыре месяца живут вместе, а такое ощущение, что лет пятьдесят. Поначалу всё шло хорошо, а теперь...

Она тоскливо вздохнула и прошла в кухню. Он даже не шелохнулся и так и не оторвал глаз от потолочного круга люстры. Интересно, что он там видит?

Камила достала из холодильника мороженое. Кажется, третье за сегодняшний день. Или четвёртое? Да, какая разница!

На самом деле разница есть. Рафаэлла и Дилия подумали вчера, будто она ждёт ребёнка. Подруги очень обеспокоились вопросом, женится ли на ней Александр в этом случае. Однако она не беременна. Это всё проклятые сладости. Надо прекращать их есть. Надо что-то делать со своей жизнью. Если Александр не перестанет...

– Ты куда?

Он прошёл мимо неё в прихожую полностью одетый.

– Пойду, пройдуся, – бросил он ей на ходу.

«Я с тобой», – хотела сказать Камила, но на ней только трусики и домашняя футболка в застарелых пятнах. Тут ещё мороженое, как на грех, шлёпнулось сперва на грудь, после соскочило на голые колени. Александр явно не собирался брать её с собой и тем более ждать. Она услышала щелчок замка и расплакалась.

Сейчас она позвонит маме, пожалуется, та утешит и посоветует набраться терпения. Они сами с отцом всю жизнь так живут, только её отец в отличие от Александра не успешный состоятельный спортсмен в конце карьеры, а чёртов неудачник. Камиле несказанно повезло отхватить такого парня, так что пусть она...

Девушка перепробовала всё. Последний месяц они провели, как два немощных старика. Это конец. Край. Финиш.

«Так, вот, он какой, финиш, – думал Александр, имея в виду близкое окончание спортивной карьеры. – Совсем не то, чем казался в начале. Камила не та девушка, какой чудилась. Город не тот, где я хотел бы провести не то, что жизнь, а хотя бы несколько лет. Ничего не хочу. Осточертело. Всё осточертело».

Интересно, что сказала бы по этому поводу Иретта? Он честно пытался забыть её в последний год. Ещё он завязал с беспорядочной жизнью и выпивкой, начал встречаться с хорошей девушкой, студенткой колледжа. Они даже съехались несколько месяцев назад, но это не то, всё не то. Он хочет уйти, но как сказать об этом Камиле? Что посоветовала бы Иретта?

«С расходным материалом нечего церемониться», – написала она ему однажды в период их плотного общения по Интернету. Он пожаловался тогда на безысходность отношений с девушкой, с которой жил тогда. «Почему это она расходный материал?» – Возмутился в ответ Александр. «Потому что уважающий себя человек не станет жить в одном доме с человеком другого пола, если тот ему не супруг и не родственник». Чётко и ясно.

Он сегодня не вернётся в их с Камилей странную, неудобную квартиру. Пусть она дальше прогуливает пары, ничем не интересуется и ест своё бесконечное мороженое, только без него, пожалуйста. Квартира оплачена на полгода вперёд. Это достаточный срок, чтобы наладить свою жизнь.

«Правда? – Спросил ехидный внутренний голосок. – Что же ты никак не наладишь?»

Он снял комнату в отеле. Лёжа перед сном с открытыми глазами, Александр подумал, что надо позвонить Иретте. Хватит делать вид, что он может без неё обходиться. Он не может.

Тот единственный их поцелуй на Мачу Пикчу никогда не оставит его в покое. После Иретта назвала его незрелой, безответственной личностью. Она неправа. Александр докажет ей, что он не такой. Он может быть другим.

Атлет поднялся с кровати и отправился в холл. До ужаса захотелось газировки.

Утро Александр встретил, мучаясь похмельем, в полицейском участке. Под глазом его сиял роскошный, сливово-синий фонарь.

Когда Шарль вернулся за столик, Ираиды уже не было. На скатерти лежали плата за ужин и какой-то бумажный кругляшок, кажется, картонный жетон. Одна сторона его была выкрашена чёрной гелевой ручкой, а на другой разборчивая надпись на латыни гласила: «Низложен».

Перепад

Александр пытается достать губы Ираиды, но она, словно не замечая его намерения, удобно пристраивает подбородок ему на плечо и гладит твёрдо округлившийся бицепс.

– Ты быстро возвращаешься в форму, – говорит она так, будто пришла сюда только за тем, чтобы составить Александру компанию во время занятия лечебной физкультурой. А, может, так и есть? Он уже не знает, как понимать её поведение. – Думаю, ты сможешь без проблем вернуться в большой спорт, если захочешь.

– Шрамы, – напоминает он ей.

– Как они могут помешать тебе приходить первым в заплывах?

«Приходить первым». Когда-то эти слова действовали на него магически, заставляя карабкаться на вершущки самых почётных пьедесталов. Теперь это уже не интересно. Он хочет быть первым во всём для неё. Остальные не важны. Только Иретта ведёт себя в последние несколько недель странно.

Раньше было всё более или менее ясно: он, хоть и состоятельный человек, и чемпион мира по плаванию, но раздолбай, недостойный её, известной писательницы, так и оставшейся на всю жизнь девочкой-отличницей по своей сути. Он догоняет, она скрывается. Он предлагает, она отказывается. Теперь ситуация совсем запуталась. Иретта не убегает. Мало того – она была первой, чьё лицо он увидел перед собой, когда пришёл в себя. Не может же это значить, что она не чувствует к нему ничего, кроме обычного человеческого сострадания! Мало ли, кто испытывает сострадание к попавшему в аварию спортсмену, но перед ним именно она, та, кого он хотел видеть сильнее всех на свете. Это тоже ничего не значит?

– Пришла навестить своего друга-раздолбая? – Спросил он тогда, с трудом выталкивая из себя слова.

– Ты не раздолбай. Ты герой, – мягко возразила Ираида.

– Пришла навестить? – Саркастически переспросил коренастый пожилой доктор с колючими, тёмно-синими глазами и стрижкой ёжиком. – Я бы сказал, мадам Рудова редко покидает вашу палату. Она и ваша мать находятся при вас почти постоянно.

– Мадам Ираида не дала остричь вам волосы и сама заботилась о них всё время, пока вы были в коме, – просветила Александра молоденькая медсестричка с веснушками и брекетами на зубах.

Позже Ираида гоняла от него особенно оборзевших журналюг и поклонниц, приносила разрешённые лакомства, читала ему вслух. Она и сейчас всё это делает, а ещё составляет компанию в спортзале, и ведёт себя при этом, как сестра или товарищ по команде. Одни носовые платки чего стоят! Она покупает специально для него мужские носовые платки, стирает их, гладит и подаёт всегда в нужный момент. Такая забота, подумать только!..

Однако при этом они даже ни разу не поцеловались. Впрочем, и раньше они целовались только один раз. Тот поцелуй в пасмурной, безлунной темноте под срывающим голову ледяным ветром перекрывает всё. Он – лучшее, что случилось с ним в жизни. Даже жуткая авария, в которую он попал два с половиной месяца назад по собственному желанию, не может сравниться с их единственным поцелуем по силе эмоций и ощущений.

Александр ни с кем не может говорить о том, что пережил в момент аварии, кроме матери и Иретты. Увидев грузовичок, потерявший управление и летящий в сторону машины «Скорой помощи», он моментально прибавил газу и вывернул руль так, чтобы оказаться на пути грузовика. Тот изменил траекторию движения, благо оказался пустым, и «Скорая» проскочила благополучно.

Роженица, её муж, бригада медиков и водитель, находившиеся на тот момент в машине, теперь усердно молятся за здоровье Александра. Журналисты выспрашивают подробности.

Доктора залечивают его раны. Ираида... Она позаботилась о сохранности его волос. Больше её, похоже, ничего не интересует. Ну, может быть, ещё его физическая форма как возможность вернуться в большой спорт.

Злость обуяла Александра. Карие глаза полыхнули гневом, но тот моментально погас, когда она окатила его с головы до ног взглядом цвета морской волны. Она здесь, с ним, и это главное. Пусть она сколько угодно избегает разговоров на личные темы, он не перестанет спрашивать её об этом. Когда-нибудь ей надоест играть в прятки, и она...

– Очень устал? – Спросила Ираида, сочувственно заглядывая ему в глаза.

– Терпимо, – ответил он и тут же задал не дающий покоя вопрос: – Скажи, Иретта, ты будешь со мной когда-нибудь?

– Почему когда-нибудь? – Удивилась она. – Я буду с тобой сегодня до пяти часов, как и обещала.

Нет, объясните, что это?! Она издевается или у неё, как говорит его мать, и впрямь какое-то необычайное, трепетно-педантичное отношение ко всему, что связано со временем, и по-другому подобные вопросы она не воспринимает? Часов в смартфоне ей мало. Они у неё ещё на руке, на сумке, в виде перстня на пальце, в каждой комнате квартиры, в кухне, в прихожей... Часовое безумие какое-то!

Он почувствовал, как снова закипает, но её рука мягко легла ему на волосы.

– Совсем запутались, – констатировала Ираида. – Надо расчесать перед тем, как ты пойдёшь в душ.

Волна сладкого предвкушения прокатилась по его телу. Он обожает, когда она нежно и осторожно расчёсывает его сильно отросшие за время лечения волосы. Можно, конечно, хоть сейчас, пригласить парикмахера и остричь их ко всем чертям, но Иретта без ума от его тёмно-каштановых кудрей, а сам он никогда не откажется добровольно от этой сладкой игры в парикмахерскую.

– Когда ты ещё придёшь? – Спросил Александр, когда Ираида собралась в пять часов уходить. – Послезавтра или через два дня?

Обычно она навещает его один раз в два-три дня и проводит с ним весь или почти весь день. Было бы, конечно, совсем хорошо, если бы Иретта навещала Александра ежедневно, как в начале, но лучше уж так, чем не видеть её месяцами, как до аварии.

Сегодня их совместная прогулка в больничном парке совершена. Программа занятий выполнена. Кудри Александра приведены в идеальный порядок. Очередная глава новой книги Иретты прочитана вслух в лицах и обсуждена до мелочей. Сейчас она посмотрит на свои наручные часы мужского образца и резко стартанёт из его палаты.

Через секунду ему покажется, что её здесь и не было никогда, всё ему привиделось, и только какая-то мелочь – забытая губная помада, коробка принесённых ею шоколадных конфет, носовой платок – будет напоминать ему о том, что она здесь была и обязательно придёт ещё. Не так скоро, как ему хотелось бы, но всё же...

Неожиданно он почувствовал на своих губах вкус её губ. Немного кусачий, невероятно сладкий, пьянящий поцелуй снёс голову Александра и наполнил его сердце чистой, искрящейся радостью. Оно стучало в самом быстром темпе и сбивчиво нашёптывало, что всё было не зря. Они вместе. Иретта любит его, и больше им не придётся расставаться надолго. Им больше никогда не придётся расставаться, и...

– Я приду к тебе завтра пораньше и пробуду до самого сна, – пообещала Иретта мягким голосом. – Я не уйду, пока ты не заснёшь, – добавила она, заставив его сердце растечься тающим воском.

– Ты любишь меня хоть немного? – Спросил Александр с надеждой в их позапрошлую встречу.

– Конечно, – ответила она без колебаний. – Все любят Александра, потому что он звезда спорта, невероятный красавец и...

– Опять издеваешься! – Устало отмахнулся он тогда.

Конечно, она шутила, но сейчас он ошутил всем своим существом ту правду, которая была спрятана в весёлом ответе Иретты. Они теперь...

– Я уезжаю послезавтра. Меня не будет здесь полтора месяца, а, может, и больше.

– Полтора месяца?! Да, ты шутишь!

Однако глаза Ираиды оставались серьёзными. Она грустно качала головой и не выпускала его кисть из своих прохладных, лёгких ладошек. Александр вырвал свою руку из их обволакивающего плена и отвернулся к стене.

– Ты сердишься на меня? Мне лучше завтра не приходиться?

– Лучше бы мне никогда не родиться на свет! – Зло выпалил он. – Зачем тебе уезжать?

– Бывший муж затеял процесс против меня, – просто сказала Ираида. – Он считает, что своей последней документальной повестью я задела честь и достоинство его самого и его драгоценной каракатицы. Мне предстоит доказать, что нельзя задеть то, чего на самом деле не существует.

– Зачем ему это? Что он хочет?

– Не знаю, – Ираида пожала изящными плечиками, – должно быть, хочет просудить свои последние, жалкие деньжонки.

Он заметил, как тонкая прядка пепельно-русых волос выпала из её причёски. «К дороге», – подумал Александр, а вслух сказал:

– Если тебе понадобится помощь...

– Не понадобится. Я уже знаю, что делать, чтобы как следует затянуть процесс. Пусть побегает, потреплет свои несчастные нервишки, поплатит адвокатам... Я его разорю и уничтожу. Уничтожу их обоих.

Глаза любимой превратились в голубоватые ледышки. Голос зазвенел металлом.

– Не говори так. Мне страшно.

– Тебе нечего бояться. Одно твоё слово, и ты сможешь видеть меня только на фотографиях в Интернете, если захочешь, конечно.

Александр длинно и замысловато выругался.

– Не приходи завтра, если хочешь моей смерти! – Жахнул он яростно.

– До завтра, милый, – проворковала Ираида, легко целуя полноватые губы Александра.

Она ушла, и ему снова показалось, что её не было здесь с ним весь день. На прикроватной тумбочке белел идеально отглаженный и аккуратный сложенный мужской носовой платок.

Подарок

– Успокойся, Иретта, мне не больно.

– У тебя слёзы в глазах стоят! Я обещала доктору Ренци, что с тобой не случится у меня в гостях ничего плохого, а сама...

– Со мной случилось самое лучшее из всего, что могло случиться в жизни. И потом, это не ты начала первой, а я. Ты не отвергла меня на этот раз, Иретта, и я очень тебе за это благодарен.

– Но тебе больно, Сандрито! Прошу, не обманывай меня. Доктор Ренци дал мне на всякий случай обезболивающее. Давай, я уколою тебя.

– Ты можешь делать со мной всё, что хочешь, Иретта, только, пожалуйста, не говори больше таких слов.

– Каких?

– Что я тебе ничего не должен и могу идти своей дорогой. У меня нет никакой своей дороги с тех пор, как я впервые увидел тебя вживую. Если ты прогонишь меня сейчас...

Взгляд Александра сделался настолько несчастным, что глаза Ираиды тоже наполнились слезами. Их первая близость получилась быстрой, скомканной, неожиданной, но при этом настолько бурной и страстной, что у обоих потом долго было темно в глазах, а дыхание превратилось в набор редких, полубезумных всхлипываний и хрипов. Впрочем, что ещё можно ожидать от двух вконец измученных и вдобавок одержимых друг другом людей?

– Что ты такое говоришь?! Как я могу прогнать своего любимого мужчину?

– Значит, ты любишь меня, а не просто жалеешь? Это правда, Иретта, милая?..

– Я когда-нибудь тебе лгала?

– Не помню такого. Но почему ты ни разу не сказала мне об этом? Столько возилась со мной после аварии... Я, ведь, спрашивал тебя, будешь ли ты со мной, любишь ли ты меня хоть немного, а ты только отмалчивалась и отшучивалась. Я уже не знал, что мне думать, до вчерашнего вечера!

– Странно, – отозвалась Ираида. – Мне казалось, ты и так понимаешь, почему я навещаю тебя почти каждый день и провожу с тобой столько времени.

– Зачем бы я тогда спрашивал тебя, если бы понимал? Ты опять издеваешься надо мной, да, Иретта? Тебе доставляет удовольствие...

– Я думала, ты спрашиваешь потому, что просто капризничаешь. Поэтому старалась каждый раз занять тебя чем-то, чтобы твоя боль не мешала тебе...

Александр вспомнил, как однажды Иретта принесла в его палату телескоп, на ночь глядя. Он рассчитывал на романтику звёздной ночи, но в реальности получил отменную лекцию о механике небесных тел. В другой раз любимая принесла невероятно сложную и скучную настольную игру. Он пытался поцеловать Иретту, пока она в сотый раз объясняла правила, и это, конечно, тоже закончилось ничем. Злость обуяла Александра от подобных воспоминаний.

– Ты точно издеваешься! – Воскликнул он с горечью. – Сколько раз я пытался поцеловать тебя, но ты всё время...

– Я не хотела лишний раз волновать тебя. Лечение должно проходить в спокойной обстановке.

– О какой спокойной обстановке может идти речь, когда рядом любовь всей твоей жизни, но при этом непонятно, как она к тебе относится, и чего ожидать?!

– Мне не надо было приходить к тебе так часто.

– Тогда бы я умер, потому что жить было бы не для чего!

– Ты снова капризничаешь.

– Прости меня.

– Я на тебя не сержусь. Ты ещё не вполне здоров, и тебе полагается капризничать.

Ираида улыбалась и гладила своей почти невесомой ладошкой тёмно-каштановые кудри Александра. Две крупные, продолговатые слезы скатились с внешних уголков его больших карих глаз.

– Твой Сандрито старый, сентиментальный дурак! – Зло выпалил Александр.

– Если ты старый дурак, то я...

– Ты примерная девочка-отличница и навсегда останешься ею. Тебе нельзя быть одной. Этот мир – ужас, какой безжалостный, а ты постоянно споришь с ним! Он раздавит тебя рано или поздно.

Ираида рассмеялась. Бывший муж, затеявший несколько месяцев назад судебный процесс против неё, назвал её недавно танком. Он абсолютно прав, потому что она намерена расстрелять и раздавить его самого и ту, которая путём обмана и подлости заняла её место больше десяти лет назад. Ираида хорошо подготовилась, и у них нет ни малейшего шанса доказать, что крайне неприглядные факты о них двоих, изложенные в её последней документальной повести, – клевета. Встречный иск Ираиды должен довершить разгром. Она разорит и уничтожит их обоих, но говорить об этом с Александром она не намерена. Он не для того вернулся с того света, чтобы барахтаться в пучине грязи, в которую однажды ввергла Ираиду соперница.

– Я люблю тебя, Александр, – нежно произнесла Ираида, и глаза любимого зажглись, как рождественские свечи. – Помни об этом и не рви своё сердце. Я буду с тобой, когда вернусь, если ты этого захочешь, а если нет, то...

– ...это буду уже не я! Пристрелите эту тварь!

Они оба невесело рассмеялись. Александр три года добивался её взаимности, а теперь Ираида должна лететь в Россию, чтобы участвовать в долгом, грязном и необыкновенно тяжёлом судебном процессе. Как раз сейчас, когда Александр уверенно идёт на поправку, и между ними случилось самое прекрасное из всего, что могло быть! Спрашивать, почему так, бесполезно. Надо просто пережить это как испытание, как неприятность, как кошмар, потому что другого выхода нет.

– Скажи, ты, ведь, не любишь Демича? – Задал вдруг Александр совсем уж нелепый вопрос, и она с трудом удержалась от смеха.

– Демич – мой друг и деловой партнёр, – терпеливо начала она. – Между нами ничего нет и быть не может. И потом, судя по его работам, я совсем не в его вкусе!

Она ожидала, что Александр по-детски рассмеётся её шутке над кособокими, косоглазыми и длиннорукими тётками с картин их общего друга, как это происходило всегда, но Александр только усмехнулся грустно. Он в очередной раз поразился чистоте и наивности этой женщины, которая вывезла на своих плечах криминальную подставу, тяжелейший развод, участь одинокой матери двух девочек-погодок, но её мир остался почему-то чётким, правильным, полным высоких чувств, товарищеских отношений и дружеской взаимовыручки.

– Ты не знаешь, у неё есть кто-нибудь? – Спрашивал его Демич буквально на днях, имея в виду Ираиду.

Знаменитому художнику не так просто выкроить время для друга, попавшего в страшную аварию, но он смог, и чемпион мира по плаванию Александр Фарини был безмерно рад видеть его у себя в палате. Их дружба долгие годы не была омрачена ничем, но Роман в последнее время вбил себе зачем-то в голову, что они с Иреттой могли бы быть идеальной парой.

– Кажется, у неё никого нет, но я могу ошибаться, – осторожно ответил Александр на вопрос друга.

– Я тоже ничего не могу понять. Она с радостью принимает все мои предложения о сотрудничестве. Никогда не отказывается пойти со мной куда-то. Даже подарки мои принимает, правда, потом сразу дарит примерно такие же по стоимости, – Александр с трудом скрыл

злорадную ухмылку. – Неужели я для неё недостаточно хорош? Ты, я знаю, точно не дотянул до её требований – можешь в любой момент куда-то сорваться, что-то натворить, а я...

– Может, она любит кого-то другого? – Выдвинул Александр смелое предположение.

– Кого? – Досадливо поинтересовался Роман. – Старого индюка Дюруа? Пьянчугу Мартина? Дурачка с печки бывшего мужа? Смешно.

Александр согласился, что и впрямь смешно любить кого-то другого, когда есть он – Роман Демич, красавец и талантище, модный художник-зожник, состоятельный человек вдобавок. Настоящий подарок!

– Она почти никогда не отказывается провести со мной время, но при этом ведёт себя, как сестра или... даже не могу сформулировать, как кто ещё! – Злился Демич.

– Как товарищ по команде, – подсказал Александр, и старый друг согласился с ним горячо.

– Именно! Как товарищ по команде! Кстати, очень жаль, что мы с тобой в этом сезоне так и не выбрались покататься на горных лыжах...

Роман оседлал своего любимого конька и оставил жалобы на непонятливость Ираиды. Теперь она сидит перед Александром, почти обнажённая, невероятно красивая в свете предзакатных лучей, заливающих её странную, похожую на смесь кабинета со спортивным залом, спальню и рассказывает, какой Демич ей замечательный друг.

Неожиданно Ираида обрывает себя на полуслове, потому что взгляд её падает на настенные часы. Часы в её небольшой, уютной квартирке повсюду, и тишину чистых, светлых комнат наполняет негромкое, стрекочущее тиканье.

– Нам пора собираться! – Выстреливает она, спрыгивая с кровати.

– Подожди! – Умоляет Александр. – Завтра ты улетишь, и мы ещё столько не увидимся!.. Ты уверена, что начало процесса нельзя перенести? Примерно через месяц я смог бы поехать с тобой и...

– Через месяц ещё рано, – возразила Ираида. – Доктора говорят, что тебе лучше никуда не ездить до лета. А начало процесса я уже столько раз передвигала, что теперь мне вряд ли пойдут навстречу.

– Тебе надо было подготовиться, как следует.

– Да. Ещё я не могла оставить тебя в том состоянии, в котором ты...

– Ты откладывала процесс из-за меня?!

– Я не хотела говорить с тобой об этом.

– Ты хотела со мной говорить вообще о чём-нибудь? – Александр снова начинал заводиться. – Такое ощущение, что я для тебя...

Он умолк, почувствовав её нежные губы на своём виске. Он не в состоянии долго сердиться на Иретту. Ещё он не в состоянии жить без неё. Он пытался, но это не привело ни к чему хорошему. Только двух ни в чём не повинных девушек сделал несчастными. Неважно, что Иретта уезжает на месяц, а то и больше, потому что теперь они вместе, и никакая сила не заставит Александра забыть о ней.

Он проснулся на следующее утро в своей палате с чувством тягучей, липкой грусти. Ему показалось, что вчерашнего дня не было, и он всё выдумал от безысходности.

– Кто принёс тебе этого очаровательного медведя? – Спросил через несколько часов Демич, стоя в лучах полуденного света, который делал его похожим на древнескандинавское божество.

Огромный белый медведь с полосатым шарфиком на шее восседал в кресле, свесив толстые лапы. Демич тоже видит его, значит всё в порядке: вчерашний день был.

– Иретта, – просто ответил Александр на вопрос друга.

Он не собирался делиться с ним подробностями фантастического вчерашнего дня.

– Она навещает тебя? – Искренне удивился Роман.

– Случается иногда, – согласился Александр, радуясь, что здесь нет доктора Ренци, и некому просвещать Демича о том, что Ираида, как любит говорить великомудрый эскулап, «редко покидает его палату в последние два месяца».

– Иретта любит дарить подарки, – заметил Роман и заговорил о своей последней выставке и о том, как ему жаль, что знаменитая писательница Ираида Рудова не может на этот раз принять участие в её работе.

Александр слушал его с чувством лёгкой досады. «Надеюсь, ты уйдёшь до четырёх», – подумал он грустно. В четыре часа Иретта обещала выйти на связь.

Уничтожен

– Рудова! Ты совсем озверела? Что ты сейчас такое сказала в зале суда?

– Я сказала то, что все слышали. Для особо одарённых повторяю ещё раз, в более доходчивых выражениях. Итак, неважно, заберёте вы с Рыльниковой свой иск или нет, я всё равно буду...

– Вяткиной! Фамилия моей жены – Вяткина!

– У так называемой твоей жены может быть любая фамилия, но по сути она Рыльникова – дочь алкоголика, бывший неблагополучный подросток, человек с гнусным прошлым и богатыми криминальными связями. Рыльниковой она родилась, ей же и останется навеки, какой бы лох ни записывал её на свою фамилию.

– Всё сказала? – Голос бывшего мужа, бывшего защитника сборной России по футболу и бывшего уважаемого человека звучал непривычно зло и даже сварливо.

– Боже, в кого ты превратился! – Ираида вскинула изящные кисти рук в притворном изумлении. – Однако это ещё не всё. Она тебя скоро ещё импотентом сделает. Или уже?

Последние слова были произнесены с таким издевательским сочувствием, что Вяткину впервые в жизни захотелось ударить женщину.

– Ты заберёшь свой иск или нет? – Спросил он звенящим от напряжения голосом.

– Нет, конечно. Я уже доказала всем, что измены не было. Рыльникова подставила меня с помощью своего криминального знакомого Сергея Коб...

– Может, хватит? – Выдохнул он устало.

– Хватит мне тогда, когда я ссужу с тебя компенсацию за моральный ущерб, клевету и недостачу по алиментам на девочек. Думал, я буду довольствоваться жалкими объедками со стола Рыльниковой, да ещё и радоваться при этом?

– С моральным ущербом и алиментами более-менее ясно. При чём здесь клевета?!

– Ты называл меня однажды проституткой. Прилюдно. Помнишь?

– Это было...

– Это была клевета, – произнесла Ираида с нажимом, – и тому есть десятки свидетелей. Однако для доказательства в суде достаточно двух.

– Похоже, материальные дела твои – швах! – Произнёс Вяткин насмешливо. – Куда же ты дела гонорар за ту книжонку, в которой полила помоями меня и всех, кто мне дорог? Воистину, человек делится только тем, что сам имеет.

– Не надо «ля-ля», товарищ святоша! Я делюсь с общественностью не своими, а вашими помоями, в частности, теми, которые Рыльникова вылила на меня с целью занять моё место. А до моего финансового положения ни тебе, ни твоей каракатице дела быть не должно.

– Я готов заплатить тебе. Столько, сколько ты хочешь, у меня нет, но я могу...

– Мне плевать, сколько у тебя там есть и что ты можешь или не можешь. Мне нужно всё. До копейки. Чтобы ты с Рыльниковой пошёл жить на съёмную квартиру. С милой рай и в шалаше, не так ли, Димочка?

– Побойся Бога! У нас четверо детей!

– Надеюсь, ты гонял Рыльникову с её детьми на генетическую экспертизу, как меня с нашими девочками?

– Ты зверь. Нелюдь.

Он смотрел на Ираиду и не понимал, как мог когда-то любить это исчадие ада. Лицо и фигура её, почти не тронутые временем, и тогда, и сейчас поражали правильной, строгой красотой. Только тогда, до всех тех страшных потрясений, глаза её напоминали по цвету июньское небошко, а сейчас явственно отливают расплавленной сталью.

Они сблизилась на выпускном вечере Дмитрия, когда им было шестнадцать и семнадцать лет. Ираида училась на класс младше. Молодое, пьянящее чувство захватило их, и на следующий год Ирочка оканчивала школу с пятимесячным сроком беременности и обручальным колечком на пальце. Димочка уже тогда зарабатывал в большом спорте в десятки раз больше своего отца, а его любовь писала стихи и рассказы. Ещё она пела со школьной сцены ангельским, немного звенящим сопрано, и будущее виделось им сплошь в розовых тонах.

– Интересно, – произнесла Ираида почти весело, закидывая ногу на ногу. – Кто же меня сделал нелюдем? Кто разбудил во мне гадкого зверя?

– Я. Это сделал я. Я слишком рано сорвал цветок по имени Ирочка Рудова. Я не захотел выслушать тебя, мою законную жену, когда застал тебя, полуголую в объятьях незнакомца. Я очень виноват перед тобой. Прости. Однако ты тоже должна понять меня и пойти мне навстречу. У меня семья...

– У тебя была семья. У нас с тобой. Рыльникова разбила её и создала на обломках какое-то убожество. И это ты, ты позволил ей сделать это!

– Что же ты прикажешь делать мне теперь? – Вскинулся Вяткин. – У нас с ней четверо больных детей. Меня не берут на работу ни в один приличный европейский клуб, во многом благодаря твоим стараниям, между прочим, – Ираида усмехнулась сардонически. Дмитрий вынужден околачиваться за границей после того, как его мальчишки сожгли зимний лагерь отдыха в Подмоскowie. Должно быть, мамкины гены проявились. – Ты хочешь, чтобы я бросил Наталью с детьми и вернулся к тебе? С личной жизнью, я слышал, у тебя не клеится...

– Зачем мне жалкий обломок того, настоящего Дмитрия Вяткина? Я в отличие от твоей, так сказать, Натальи обломков с объедками не собираю.

– Это не важно. Ты заберёшь свой иск, если мы заберём свой?

– Нет, конечно. Срок давности по преступлению Рыльниковой ещё не истёк. Она ответит по закону за организацию нападения на меня.

– Её там не было, – устало возразил Вяткин. – Ты ничего не докажешь.

– Как ты можешь покрывать преступницу, да ещё и жить с ней на одной жилплощади, и женой её называть? Она тебе мозги отшибла что ли?

– Мы с ней венчаны. Ты забыла?

– Точно отшибла, – вздохнула Ираида, напряжённо глядя на свои наручные часы мужского образца. – Скоро конец перерыва. Пора в зал.

– Я взял её девочкой, – ляпнул вдруг Дмитрий.

– А меня ты взял мальчиком, можно подумать, – парировала Ираида насмешливо. – Там Вишневская приехала. Сейчас она расскажет, всем, как твоя жирная стриптизёрка ходила перед вашей первой случкой швы себе накладывать, и много о чём другом расскажет, например, как та пыталась её ограбить однажды. И не только об этом!

– Швы? Какие швы? Куда? – Растерялся Дмитрий.

На него было жалко смотреть, но Ираиде, похоже, плевать на это.

– Сейчас нам всем расскажут, куда, а, главное, зачем, лох ты венчанный.

– Постой... Вишневская? Илона? Она не даст показаний против нас!

– Она даст показания против Рыльниковой. Знаешь, почему?

– Ты ей заплатила! – Жажнул Вяткин. – Вот, на что ты тратишь свои гонорары! Ты им всем платишь! Ты! Одержимая мстью, злобная, безголовая сука!

– Кому-то плачу, – легко согласилась Ираида. – Тому алкашу, например, бывшему прихвостню Рыльниковой, пнувшему меня во время нападения в живот. Он не только себя – мать родную оговорит за бутылку. А мне даже оговоры не нужны. Только правда. Вишневской не нужны мои несчастные деньги. Она дама состоятельная, ещё и замуж за миллионера недавно вышла. Она расскажет всё, что ей известно, потому что ей жаль тебя, дурака. Не может она смотреть, как ты называешь из года в год женой какое-то гнусное отребье.

– А ты? Кого ты называешь мужем? Такая злобная тварь не нужна никому, даже бомжу последнему! Ты...

– Вас ждёт в коридоре какой-то мужчина, Ираида Ильинична, – сообщила секретарь суда, заглядывая в переговорную. – Уже почти полчаса, – уточнила она, вскидывая вверх крошечный указательный пальчик.

Она смотрела на Ираиду Рудову с неподдельным восхищением, и внимательный наблюдатель смог бы заметить, что Полиночка перекрасилась во время процесса из рыжего в пепельный оттенок русого, точь-в-точь, как у Ираиды. Ещё полосатую блузку прикупила, не иначе, как насмотревшись на полосатые наряды скандально известной писательницы.

– Как он выглядит? – Поинтересовалась Ираида, перелистывая свой ежедневник и не находя в нём ни малейшего намёка на приглашённого мужчину-свидетеля.

На вторую половину дня вызваны только бывшая прима Большого театра Илона Вишневская и преподаватель народного танца Марина Лузина, их с Рыльниковой соученица по хореографическому училищу. И та, и другая согласились рассказать о том, какой образ жизни вела достопочтенная десятипудовая мадам Натали на последних курсах училища, а заодно об её криминальных похождениях.

– Высокий темноглазый шатен. Волосы волнистые. Плечи очень широкие. Ни одной правильной черты лица, но при этом потрясающе кра... – Сдавленный вскрик Ираиды прервал добросовестное описание юной барышни, и она умолкла, заморгав смущённо.

– Зовите его скорее сюда! – Выпала Ираида. – В коридоре ни одной скамейки! Ему нельзя стоять так долго!

Однако Александр сам уже входил в переговорную. Походка его была уверенной, взгляд весёлым. Едва завидев его, Ираида стиснула на груди руки, рухнула обратно на стул и хрипловато разрыдалась. Улыбка на лице вошедшего сразу же погасла, сменившись выражением крайнего беспокойства. Александр бросился Ираиде в ноги, схватил её за руки и принялся покрывать их поцелуями.

– Любовь моя! Жизнь моя! Цветок мой! – Повторял он иступлённо. – Он совсем вымотал тебя, да? Давай уедем отсюда, Иретта, милая! Ты слишком хрупка, чтобы заниматься этим всем. Брось этот процесс, умоляю тебя!

– Ты ходишь! Сам! Без поддержки! Боже мой, Александр... Доктора говорили, что это невозможно!

Они словно не слышали друг друга: один умолял бросить к чёрту этот выматывающий процесс и уехать с ним, другая рыдала от радости, что любимый ходит без костылей и трости. После того, как Александр несколько месяцев назад прикрыл своим автомобилем машину «Скорой помощи» от несущегося на неё грузовика, доктора давали самые безрадостные прогнозы, но он здесь, с ней, и он ходит. Что может быть важнее?

– Я купил для нас с тобой дом, – говорил Александр, глядя прямо в заплаканные глаза Ираиды. – В нём нет ни одного телевизора, и в каждой комнате часы. Даже в кухне и в прихожей. Прямо, как ты любишь! Уедем, любимая?

– Да, – Ираида решительно отёрла слёзы. – Уедем сегодня же. Мне больше нечего делать в этом несчастном суде.

– Как это тебе нечего делать в суде? – Голос Дмитрия звучал разбито. Он ещё не перестал понимать итальянский язык. Не зря изучал его в престижной школе, а после играл за один из итальянских клубов целых одиннадцать месяцев. – А, как же...

– Да, провались ты вместе со своей Рыльниковой!

– Ты заберёшь иск?

– Да. Как только вы оба заберёте свой.

– Хоть сейчас заберём!

– Так, иди и займись этим, и не морочь голову.

Дмитрия Вяткина не пришлось упрашивать дважды. Он пулей пролетел мимо замеревшей в дверях Полиночки. Та с восторгом наблюдала развернувшуюся перед ней почти киношную сцену, позабыв о свидетелях, документах и прочей судебной скукоте.

– Как ты решился приехать?

– Я прочёл твоё последнее стихотворение и ужаснулся тому, что творится у тебя на душе.

– Я пишу по-русски. Что ты мог понять?

– Валерия перевела мне его по моей просьбе.

– Мои девочки навещали тебя?

– Да, два раза. Мы очень мило провели время. Кристина делала наброски с меня. Им в колледже задали нарисовать человека в разных позах. А Валерия прочла нам с ней интереснейшую лекцию о психологических основах искусства или о чём-то ещё в этом роде. Честно говоря, я не всё понял и многое забыл! – Они оба рассмеялись счастливо. – Думаю, это не так важно. Важнее всего другое, – Александр замолчал, уставившись на Ираиду искристым, ласкающим взглядом и, кажется, запямятовал, о чём говорил только что и, вообще, обо всём на свете.

– Что же для тебя важнее всего? – Спросила Ираида с улыбкой.

– Слушать тиканье часов вместе с тобой, Иретта. Наслаждаться тишиной вдвоём.

– И всё?

– Нет. Ещё хочу, чтобы ты родила мне мальчика с такими же глазами, как у тебя. Или девочку. Или обоих сразу. Я хочу держать тебя за руку всю жизнь.

Ираида припала к тёмно-каштановым кудрям Александра. Она заметила, что он пострижен не так коротко, как всегда. Несколько месяцев назад она сказала ему, что её приводят в восторг его кудри.

Через два дня они неслись вдвоём на мотоцикле по серпантину. Точнее, Ираиде казалось, что они несутся, а Александр ехал медленно и осторожно. Он не мог рисковать любимой женщиной, которую завоёвывал почти три года. Позже они праздновали свою помолвку в компании общих друзей, матери Александра и почти взрослых дочек Ираиды.

– Хорошо, что ты не стала уничтожать Вяткина, как намеревалась вначале, – сказал Александр, улучив минуту. – Это отняло бы у тебя последние силы и оказалось бы в итоге Пирровой победой.

– В этом не было никакой необходимости, – согласилась Ираида.

«Он и так уничтожен, – добавила она про себя. – Уничтожен тем фактом, что война в моей душе окончена».

Чудо заморское

Глава 1

До чего отвратительный здесь климат! Больше десяти лет живу и не могу привыкнуть. Раньше я питала надежду съехать отсюда при первой возможности, но теперь Москва проросла в меня сотнями мелких долгов и крупных обязательств. Кажется, мне суждено умереть под этим мокрым небом цвета линялой джинсы.

Сегодня тоже идёт дождь. Я спешу к подъезду офиса, перепрыгивая через лужи. Мелкие, холодные капли проникают под зонт, благодаря неумолимому, вездесущему ветру, и вонзаются в лицо острыми ледяными иголочками. Если бы не ветер, погода была бы вполне терпимой, но он в последнее время ужас, как оборзел. Министерство по чрезвычайным ситуациям шлёт предупреждения об усилении ветра чуть ли не каждый день, а в новостях нередки сообщения, что кого-то опять прибило падающим деревом или рекламным щитом.

Я не боюсь, что меня убьёт тяжёлым предметом или током порванного провода. Мне не страшна внезапная смерть от сердечного приступа или оторвавшегося тромба. Даже подхватить смертоносный вирус в равнодушной московской толпе я не боюсь. Я вообще не боюсь смерти. Мой возраст перевалил за сорок пять и неумолимо приближается к пятидесяти. Конечно, он далёк от средней продолжительности жизни современного человека, но, с другой стороны, что я не успела?

За свои сорок восемь лет я успела выполнить всю программу среднестатистического гражданина: получила два образования, отмотала двадцать пять лет в браке, вырастила двух детей, отработала одиннадцать лет в нервной и нестабильной системе образования, которая всем и всегда поперёк горла. Я даже пожить, как человек, успела в последние три года. Даже реализовать себя в творчестве. С какой стати мне бояться смерти?

Бывшая золовка вынесла мне когда-то весь мозг на тему своего страха смерти. Больше всего на свете она ценит долголетие.

– Зачем оно тебе? – Спросила я однажды.

– Что значит «зачем»? – Не поняла золовка.

– Мы не можем хотеть чего-то просто так. Если хотим, значит, есть какая-то цель.

– Я хочу дожить до правнуков, – ответила та с жаром.

Мне сделалось смешно. Её на тот момент двадцатидвухлетний единственный сын даже не был женат. Он и сейчас не женат и не собирается, а разговоры о правнуках с долголетием никуда не делись.

– Разве ты не мечтаешь о внуках? – Спросила золовка в один из наших последних разговоров.

Я честно ответила, что нет. Когда-то я мечтала о детях, и Мирозданию угодно было дать мне их. Двое моих детей получили никем не прошенный и далеко не всеми ценимый дар жизни, а уж как они им распорядятся – передадут дальше или оставят только для себя, их дело.

Странные желания обуревают некоторых людей. Хотя, ко мне тоже относится. Странные желания начали обуревать меня после сорока. Они оказались настолько мощными, что изменили всю мою последующую жизнь, и с тех пор она не перестаёт удивлять меня сплошной чередой невероятных случаев и невозможных совпадений.

– Инна Андреевна! – Услышала я нервный женский зов, едва пройдя турникет.

– Да, Анна Геннадьевна, – отозвалась я, как можно спокойнее.

Главбух в последнее время ужасно дёрганая, и дело тут вовсе не в сдаче квартального отчёта и прочей бухгалтерской петрушке. Статная седоватая мадам безнадёжно влюблена.

Знать об этом никому, кроме меня, не полагается, даже объекту любви, тридцатипятилетнему красавцу-программисту Олеженьке. Ему особенно! Только, кажется, даже самые ленивые охранники уже устали шутить за спиной главбуха на эту тему.

Я работаю в нашей странной организации три года и не устаю поражаться массе самых разнообразных тараканов, атакующих головы живых людей. Какие существа атакуют головы мертвых, думать не очень хочется, поэтому я за кремацию, по крайней мере, для себя.

– Инна Андреевна! Он опять снился мне сегодня, – жарко зашептала габаритная бухгалтерша мне в ухо. – Мне снилось, как я гуляю по морскому пляжу, а Олежка вдруг – ррраз! – и выпрыгнул из огромной улиточной раковины, да как...

– Инна! Ну, наконец-то! – Это уже шеф. – Я три раза заходил к тебе, а ты...

– Сейчас без десяти минут девять, Игорь Никитич, – напомнила я. – Мой рабочий день начинается с девяти.

– Я потом зайду, – пообещала Анна Геннадьевна, и копна волос на её макушке многообещающе затряслась.

«Как же я буду плакать, если ты не зайдёшь!» – Подумала я злорадно и уставилась шефу прямо в глаза, не очень заботясь о выражении своего лица. Он заморгал растерянно. Игорь Никитич безбожно путает время. Он путал его всегда, а в последние полгода особенно.

С ним определённо что-то происходит, но я пока не могу понять, что именно. Деловые люди, актёры и политики, последние особенно, кажется, совсем не имеют психики. Точнее, она у них есть, но состоит исключительно из проблем и нарушений. Ни одной здоровой составляющей.

Игорь Никитич – бывший актёр, ныне политик, занимающийся помимо всего прочего коммерческой деятельностью. Он настолько заморочен самыми разными задачами, одна другой заковыристей, что держит при себе меня – личного психолога, как бы призванного обслуживать всю организацию, и придворного поэта к тому же.

На месте шефа я не подпустила бы себя к себе, то есть, к нему, Игорю Никитичу, на сто метров, а он... Как ему не страшно, что однажды я ограблю его, сбегу и солью конкурентам и правоохранителям все его секреты и секретикки? Как-то раз я набралась наглости и задала этот вопрос напрямую. Смех, зазвучавший в ответ, наполнил мою душу самыми противоречивыми чувствами.

– Кто? Ты? – Переспросил Игорь Никитич, отсмеявшись. – Нет, не боюсь. Любой другой на твоём месте мог бы. Ты – нет.

Я рассердилась. С одной стороны получается, что шеф доверяет мне безоговорочно. С другой считает меня до безобразия правильной, этакой сахарной лохушечкой, не способной на лихой поступок. Как будто я и не совсем человек даже, а так, белка тряпочная.

Самое удручающее, что он в чём-то прав. Когда я жила в родном Краснодаре, продавцы одежных магазинов нередко давали мне одежду, чтобы я померила её дома и определилась, что брать, а что нет. При этом ворох платьев и костюмов вручался мне просто так – без залогов, квитанций и расписок.

– Неужели вы не боитесь, что я украду все эти вещи? – Спрашивала я.

Продавцы со смехом отвечали, что нет.

– Кого бояться-то? Тебя что ли? – Рассмеялась однажды едва знакомая хозяйка модной точки. – Нет, тебя не боюсь. Кого угодно, только не тебя.

Я и впрямь не могу взять чужое без спросу. Оно *никогда* не идёт в прок, замечено неоднократно. У меня есть масса знакомых любителей мелкой халявы, и ни один не нажил состояния. За последние три года появилась масса знакомых любителей халявы покрупнее, из тех, кто состояние, так или иначе, нажил, но, сколько эти люди нажили наряду со своим богатством всего остального! Лопатой не разгребёшь.

– Я к тебе зайду примерно через полчаса, – пообещал шеф, растерянно глядя на меня немного выцветшими тёмно-синими глазами.

Он был очень красив в молодости, да и в зрелые свои годы выгодно отличается от толпы и большинства сверстников. Да, с годами он сделался полноват, седоват и немного морщинист, но разве получится спрятать за этими глупыми признаками старения настоящую мужскую красоту, не говоря уже про обаяние и интеллект? Сейчас шеф стоит на пороге угасания, и, кажется, переживает это тяжелее, чем хочет показать. Мне нередко бывает жаль его по-человечески. Я никому не говорю о своём чувстве, потому что меня засмеют. Кого тут жалеть? Титулованного вдоль и поперёк народного артиста? Успешного политика? Крутого бизнесмена? Красавца и богача? И впрямь, смешно, но не всё так просто.

Когда-то в молодости красавец и везунчик Игорь Шишкин построил успешную актёрскую карьеру. Миллионы женщин, причём не только советских, проливали слёзы из-за невозможности быть с ним, статным голубоглазым брюнетом, поймавшим безукоризненный баланс между силой и интеллектом, простотой и утончённостью, серьёзностью и весельем. Его герои смотрели с экранов во всём мире и не оставляли равнодушными ни Восток, ни Запад.

Однако Игорь Никитич ещё и однолюб. Он любит только свою жену Нину Аркадьевну. Так думают те, кто не в курсе реального положения дел, то есть практически все, но я точно знаю, что в отношениях шефа и его жены первую скрипку играет вовсе не любовь, а панический страх, если не сказать, ужас. Отец мадам Нины до сих пор жив, хоть возраст его и приближается к столетней черте. Он и сейчас в совершенно здравом уме, а его влияние с годами ничуть не ослабла. Думаю, вы уже поняли, что достижения моего шефа на самых разных поприщах – следствие не только красоты, ума и таланта.

Колоссальный успех актёра Шишкина в театре и кинематографе в советское время сопровождался не менее колоссальными материальными дивидендами. Надо сказать, баланс между творческой жилкой и практичностью нашего знаменитого в прошлом киногероя тоже налажен безукоризненно. Он буквально купался в материальных благах, когда вся страна растерянно барахталась в дефиците товаров и услуг. Игорь Никитич с женой и тремя детьми объездил, кажется, все мировые курорты в тот период, когда наш соотечественник считал немыслимым благом раздобыть путёвку на холодноватое Балтийское или вечно бушующее Чёрное море.

Девяностые годы разгромили не только промышленность нашей уничтоженной страны. Они и от кинематографа с театром камня на камне не оставили. К тому же, возраст моего дорогого шефа перевалил тогда за сорок, и о прежней востребованности нечего было даже мечтать. Он поддался на уговоры жены покинуть страну, но у великого хитреца и дипломата хватило ума и такта, во-первых, не трепаться об этом на каждом углу, а, во-вторых, не рубить сразу все концы. Из имущества были проданы только две шикарные машины и дача в престижном месте. Квартиру, как и российское гражданство, семья бывшего экранного героя оставила за собой. Крепкий тыл в виде влиятельного тестя тоже никуда не делся.

Голливуд, как вы уже поняли, встретил звезду советского кинематографа прохладно. Игорь Никитич, промыкавшись там год и разбазарив сбережения, понял, что ему светят в лучшем случае эпизодические роли тупых русских мафиози вперемежку с массовой. Он не стал подобно другим бывшим советским звёздам-мигрантам развозить пиццу, обрезать сучья в чужих садах и чистить туалеты в ожидании мифической удачи.

Игорь Никитич с женой и детьми вернулся в Москву и с лёгкой руки дорогого тестя подался в политику. Если раньше актёр Шишкин светил молодым, красивым лицом с экрана, зажигая сердца прекрасной половины страны любовью, то теперь он светит с него тем же лицом, только умудрённым и внушающим спонтанное доверие. Зажигает он сегодня в душах зрителей обоих полов горячий патриотизм и желание проголосовать на выборах за партию, в которой состоит сам.

Сказать по правде, мой шеф не очень хорошо разбирается в политике. Она ему без надобности, как и большинству обычных людей. Просто бывший актёр почти ничего не умеет, кроме как работать лицом, вот, он и работает. Помимо этого ему приходится постоянно с чем-то сталкиваться и чему-то учиться, и это наполняет его жизнь трудностями. Однако страшно представить, в кого бы мы все превратились, лиши Мироздание нашу жизнь трудностей. Только преодолевая препятствия и боль, можно чего-то достичь, я это точно знаю, не понаслышке.

Игорю Никитичу тоже хорошо известно, что достичь результата можно только через трудности и боль. Он и достиг. Мой шеф молодчина. Я горжусь знакомством с ним. Горжусь тем, что я... Нет, не работаю на него. Работаю с ним.

Так получилось, что я на особом счету в его фирме, непонятно чем занимающейся и кому принадлежащей. Последнее меня не касается никаким боком. Меня касается только психологическое благополучие шефа и связанное с ним моё собственное материальное благополучие, а история наших с шефом взаимоотношений заслуживает отдельного рассказа.

Глава 2

*Захвативший небо,
Мрачноватый день
Правит в нём нелепо,
Уничтожив тень.*

*Всё перемешалось:
Ветки, облака,
Глаз родных усталость,
Тёплая рука...*

*Я ныряю в омут
Лихо с головой,
И в сторонке стонут
Благость и покой.*

*Тишину разрежет
Смелый обертон.
Гонит ветер свежий
Хлипкий полусон.*

*Приоткроет двери
Неизвестный мир,
И, себе не веря,
Полетит в надир*

*Вместе со светилом
Та, что чуда ждёт...
Маски. Иней стылый.
Лужицы и лёд.*

– Нет, извини, Иннусик, я здесь не могу!

Игорь Никитич вскакивает с дивана и, нервно расхаживая взад-вперёд по комнате, торопливо застегивает пуговицы рубашки. Я замечаю, что она далеко не идеально отглажена, а о том, что такое крахмал, наверняка даже представления не имеет. Кажется, Нине Аркадьевне плевать на рубашки мужа. Однако сам он должен быть безукоризненно гладким, то есть покладистым и верным, иначе... Что может быть, если однажды всплывёт то самое роковое «иначе» страшно вообразить.

– Не можете здесь, не можете в гостинице, не можете у меня дома... Вы не можете со мной! Я недостаточно хороша для вас.

«Ты уже привил мне комплекс неполноценности, старый дурак!» – Добавляю я мысленно.

Это была вполне себе реальная моя психологическая проблема вплоть до одного занятного случая, о котором речь пойдёт ниже. Я долго была уверена, что Маркус Гонсалес всего лишь занятный случай, но жизнь вскоре доказала другое. Однако в первый свой год работы у Шишкина я была ещё не знакома с Марком, и мне было не до смеха ни капли.

Я чувствовала себя крайне глупо, раз за разом сидя почти голым задом посередине скользкого и холодного кожаного дивана в своём кабинете. Из одежды на мне оставались только съехавший набок комплект кружевного белья и чулки. Я ношу их вовсе не из кокетства. Просто в прохладную погоду летом в них удобнее, чем в колготках. К тому же, их легче снять, если вдруг к середине дня или к вечеру потеплеет. Заполосный московский климат... Впрочем, о нём я уже высказывалась. Без него хватает, на кого злиться. На себя, например.

«Что ты о себе вообразила, клуша ты перезрелая?! – Ругала я себя мысленно. – Нашлась тут роковая красотка! Ты знаешь, каких женщин он имел? Тебе чета, можно подумать!»

– Тебе сейчас даже самая злая тётка не даст больше тридцатника, – заговорщически сообщила мне мать, когда я похудела на двадцать кило и осветлила волосы.

– Сколько-сколько?! – Патетически воскликнул мальчишка, торгующий вразнос разными предметами быта, когда я купила у него несколько штук. – Не говорите никому про свой возраст, – посоветовал он со всей серьёзностью, на какую был способен. – Засмеют, – пригрозил юный озорник.

– Такой физической формой, как ваша, не каждая двадцатипятилетняя похвалиться может, – изрекла однажды моя фитнес-тренерша.

Раньше, да и потом, я нередко думала, что она хочет меня убить, но нет. Она просто старается сделать из меня человека и очень ответственно подходит к этой задаче.

– Ты как сестра Ангелине! – Голосят в унисон тётя, бывшая свекровь, племянницы и просто знакомые, видя нас с дочкой на семейных мероприятиях.

– Ты всю жизнь изменяла мне направо и налево, пользуясь своей красотой! – резюмировал муж, получив свидетельство о разводе.

Он и получил его исключительно потому, что мне надоело, в конце концов, слушать упреки в том, чего я не совершала. Ему жилось гораздо спокойнее, когда я сидела жирной кучей на кухонном диванчике нашей подмосковной квартиры, поглощала сладости, сёрфила от скуки Интернет и беспрестанно ныла о том, как хорошо было дома в Краснодаре и как отвратительно здесь, в спальном районе как бы Подмосковья.

«Как бы» – потому что того старого Подмосковья с его уютными маленькими домиками, лесочками и речками практически не осталось. Оно стремительно сменилось массивами домов-монстров, истошно орущими день и ночь трассами и вырвиглазными детскими площадками с диковатыми воспитанниками современных детских комбинатов.

Я не находила себе во всём этом места. Идти на работу по специальности учителя биологии я не могла и не хотела. Это было даже финансово невыгодно, не говоря уже обо всём остальном, например, профессиональном выгорании, случившемся со мной ещё в Краснодаре.

Работы по специальности психолога не было. Я не находила её в родном городе, потому что вакансия редкая, а «молодой специалист» возрастом под сорок вызывает у работодателя только недоумение. Дело в том, что своё второе высшее образование я получила в тридцать семь, поэтому даже в столице с её массой возможностей работа психолога не находилась для меня тоже.

Не находилась – не находилась, а однажды взяла и нашлась. Как-то раз в своих странствиях по Интернету я забрела в сообщество, где сочиняют, публикуют и комментируют короткие смешные стишки. При этом нужно придерживаться определённых правил и размеров. Народ справлялся хорошо и очень хорошо. Читая в первый раз, я хохотала так, что, кажется, висцеральный жир, накопившийся за годы наплевательского отношения к собственной фигуре, немного повредил мои внутренние органы. Всё тело потом болело три дня.

Сначала я только читала стихи и стихотворные комментарии к ним. После начала пытаться что-то сочинять сама. Сначала было неуклюже, потом стало получаться лучше, а спустя некоторое время меня признали одним из мастеров.

Как-то раз старшая мастерица одного из подобных сообществ создала новую группу и предложила участникам публиковать в ней свои серьёзные стихи. Я задумалась. Дело в том, что у меня где-то валялась пара тетрадей со стихами прошлых лет. Я их нашла и ужаснулась: те вирши были написаны в обход всех законов стихосложения, и мне пришлось их пересочинять в свете последних приобретённых знаний и навыков.

Параллельно я начала писать новые серьёзные стихи и цикл рассказов, потом ещё один. Произведения свои я публиковала по совету новых знакомых из Сети на сайтах Союза Писателей, где на каждый стих или рассказ выдается авторское свидетельство. Я начала общаться с некоторыми сетевыми знакомыми вживую, посещать мероприятия. Однажды обнаглела настолько, что подала заявку на конкурс «Поэт года», и меня не только номинировали, но ещё и пригласили вступить в Союз.

Так, мало-помалу я вылезала из хандры. Задыхаясь под горой жира, я долго не могла вернуться в своё прежнее, домосковское стройное тело, а тут вдруг дело пошло. Мне до боли захотелось выглядеть молодой, подтянутой и стильной, чтобы ловить восхищенные взгляды и слышать комплименты на различных поэтических встречах и мероприятиях.

На одном из последних я попала на глаза Шишкину. Игорь Никитич смутно помнил меня по Краснодару. К счастью, я сбросила всё лишнее к моменту той судьбоносной встречи, и он узнал неизменную ведущую мероприятий, а по совместительству завуча одной из краснодарских школ, куда Шишкин навещался несколько раз в бытность свою депутатом от Краснодарского края. К последнему он не имел никакого прямого или косвенного отношения. Просто тогда, а, возможно, и сейчас, я не в курсе, было модно назначать депутатов от различных партий, прикрепляя их к какому-нибудь российскому региону.

Позже Игорь Никитич говорил, что я запомнилась ему не только красивыми лицом, фигурой и голосом. Его покорила моя манера смотреть прямо в глаза собеседнику и выражать восхищение его талантом без подобострастия. Ещё я никогда ничего не просила: ни помощи в решении проблем, ни материальных подачек, ни даже автографов, а общалась с ним при возможности исключительно как с интересным человеком, не более. Ещё я однажды подала Шишкину свой чистый, отглаженный носовой платок, когда он в нём отчаянно нуждался, а его собственный делся куда-то. Я думала, народный артист и блестящий политик успел обо всём забыть, но нет.

Я читала с кафедры свой стих на одном из поэтических концертов. Люблю неожиданные концовки в литературных произведениях и в жизни. В моих стихах они время от времени тоже случаются. Читатель думает, например, что перед ним стих о любви, доходит до последней строчки, а тут – бац! – оказывается, что стих был о природном явлении, предмете интерьера или лишнем весе. Ну, или думает, что стих серьёзный, а в конце выясняется, что он шуточный. Например:

*Из объятий сплина выхватит
Поцелуй горячий, радостный.
Горьковатый, терпкий, искренний,
Он отчаянный и сладостный.*

*Расцветают мысли ясные,
Нежным Солнцем осиянные,
И сдуваются опасные,
Не на счастье бесом данные.*

*Ворох дел не страшен более,
Мы вдвоём легко управимся.*

*Поцелуем жарким вволю я
Упиваюсь жадно, пламенно.*

*Ты в руках неожиданным козырем
Бьёшь тузы устатка клятого.
Я люблю тебя до одури,
Чашка кофе горьковатого.*

Так, вот. Народный артист Шишкин был покорён моим выступлением и моим поэтическим даром, который на самом деле не что иное, как отточенный навык. Узнав в личной беседе, что я психолог по второму образованию, Игорь Никитич загорелся идеей взять меня в штат своей фирмы, чтобы я была при нём постоянно. Беседа со мной, видите ли, развлекает и умиротворяет его.

Я пришла в офис дорогого шефа, тогда ещё будущего, в потёртых обтягивающих джинсах и толстом свитере, который больше показывал, чем скрывал. Бывают такие вещи. Бывают такие женщины, которые до конца жизни не могут толком выйти из подросткового возраста и обожают хулиганить и провоцировать. Короче, мы с шефом сошлись характерами и темпераментами, а полученный мной первый аванс, не говоря уже о зарплате, заставил мои и без того вечно чем-нибудь удивленные глаза подпрыгнуть даже не на лоб, а на макушку.

На втором месяце работы я ушла от мужа, с которым мы уже вырастили и обеспечили профессиями двух детей, и от которого я больше не зависела материально. Я ушла по причине его неумной, беспричинной ревности, коей он одаривал меня всю жизнь. Дело даже не в ней самой. Просто до слёз обидно, когда тебе не доверяют ни в чём и считают помоечной кошкой, несмотря на то, что ты досталась девочкой, и тебе самой противно шастать налево.

Вот, любимая сестра мужа и благодетеля, Ксения, сменившая за жизнь четырёх мужей и стадо любовников – образец нравственности и благочестия. Я – из жалости подобранный отброс, который, к тому же, так и норовит выскользнуть из рук, измараться ещё больше, а после снова отогреваться на пушистой груди доброго, наивного Витеньки. Надоело.

Шеф, узнав, что я ищу съёмную квартиру, сразу же поселил меня в служебном жильё. Это замечательная, маленькая и уютная двушка в кирпичной пятиэтажке старой постройки на улице Песчаной. Носовские, так сказать, места. Квартирка обставлена и оборудована немного старомодно, но это ерунда. Важно то, что я плачу только за коммунальные услуги, и до метро буквально два шага. Сын поначалу жил со мной, а после его спортивная карьера резко пошла в гору.

Андрей «заболел» баскетболом давно, но дела шли весьма средненько. Однако через полтора года после моего воцарения в шишкинском офисе сын уже играл за известный испанский клуб. Мальчишка, правда, так и не получил вузовского диплома, но это не мешает ему заниматься тем, о чём он грезил с начальной школы, и зарабатывать в разы больше собственного отца, который, между прочим, тоже не самую низкую в Москве зарплату получает. Ещё сын успел получить диплом учителя физкультуры в педагогическом колледже, так, что тренерская работа на будущее обеспечена.

Дочь работает дизайнером одежды в крупной специализированной компании. Она окончила университет и массу каких-то немислимых курсов. Ещё Ангелина замужем за хорошим, надёжным парнем, и живут они самостоятельно.

Сама я живу так, как даже не мечтала. Подобные мечты никак не вписывались в мой прежний скучный быт домохозяйки. Однако в жизни не бывает всё от начала и до конца замечательно. Какая-то мелкая бяка крупных размеров обязательно перепоганит, если не всё, то многое.

Мне далеко не пятнадцать лет, а шефу вообще далеко за шестьдесят, и я предполагала, что рано или поздно он поднимет вопрос о наших взаимоотношениях. Вопрос поднялся, и поднимался в первый мой год работы с завидной регулярностью, но разрешения не происходило. Я ничего не имею против того, чтобы доставить шефу маленькую радость, но радость упорно не желала пролезать ни в какие ворота. До сих пор воспоминания об этом нагоняют тоску и комплексы.

– Вы не хотите меня, потому что я вам не нравлюсь как женщина? Я разочаровываю вас чем-то раз за разом, да, Игорь Никитич? – С трудом сдерживая кипучий гнев, умничаю я, сидя почти голая на холодном, блестящем, как лысина нашего технического директора, кожаном диване. – Может, я для вас слишком старая? Вы к более молодым женщинам привыкли?

– К таким, как моя жена? – Интересуется шеф саркастически.

Его жене перевалило за шестьдесят не вчера и не позавчера.

– При чём здесь Нина Аркадьевна? Я других ваших женщин имею в виду.

– Их нет.

– Не смешно.

– Мне тоже. Однако их нет. Я не могу расслабиться, и ни с одной ничего не выходит.

– Тогда зачем вы мне голову морочите? Раздеваете посреди рабочего дня, а сами...

– Ты меня ужас, как волнуешь, Инночка! – Матушки мои, сколько страсти в голосе и глазах! Или это актёрские навыки не угасали? Трудно сказать. – Я жить без тебя не могу! Я мимо тебя спокойно пройти не могу! Я по полночи не могу уснуть, потому что ты мне...

«Что ты там ещё не можешь, старый олень?» – Думаю я с тоской, выслушивая очередную порцию «Снов Верпалны».

Однажды мне это смертельно надоело. Я поняла, что шеф дико боится мести жены и тестя и никогда не сможет переспать ни с одной женщиной, даже по-настоящему молодой и красивой, а не просто, как я, хорошо сохранившейся. Я вызвала его на откровенный разговор, и с тех пор наши сеансы сводятся к задушевным беседам, чтению стихов и техникам лёгкого расслабляющего массажа, коим я обучилась в спешном порядке, получив эту странную работу.

Я знаю, что она не навсегда. Знаю, что в любой момент меня могут турнуть так же, как и позвали, стоит только мадам Шишкиной или одной из дочерей шефа посмотреть на меня косо или заподозрить что-то. Именно поэтому я старательно обзавожусь полезными знакомствами, пока есть возможность. Ещё я экономлю, где только могу, и накопила за три года сумму, достаточную для покупки недвижимости в родном городе. Недавно приобрела там отличную двушку в самом центре.

Я съеду из надоевшей до чёртиков Москвы при первой же возможности, но не сейчас. Сейчас слишком многие люди возлагают здесь на меня надежды. Как венки на могилу дорогого покойника.

Я не могу бросить растерянного, стареющего шефа. Не могу остаться без постоянного заработка, потому что рассчитывать, кроме себя, теперь, после развода, не на кого. За свободу приходится платить, причём в буквальном смысле. Ещё у меня обязательства перед парой издателей и Союзом писателей. Ещё вряд ли кто-то из соседей или друзей захочет всерьёз заботиться о Василии. У меня сердце разрывается при мысли о том, на что он будет обречён, если я сейчас уеду.

Василий – это не кот и не какое-то другое животное, как вы уже успели подумать. Это мой знакомый бомж. Нет, это не обычный бомжара-алкоголик. Василий – человек не от мира сего. Раньше таких называли блаженными. Он постоянно предсказывает людям что-то плохое, и оно неизменно сбывается, причём самым замысловатым образом. Из-за этого его не любят, сторонятся, а нередко даже бьют до синяков и ссадин.

– Добрая ты, Маша, – говорит Василий, когда я обрабатываю его повреждения, а после кормлю обедом или ужином.

Он называет меня Масей, потому что, цитирую, моё «имя не настоящее и не подходит такой прекрасной даме никаким боком». У Васи много странностей, я привыкла и не обращаю внимания. Он совсем не интересуется женщинами, почти равнодушен к спиртному и только курит, как паровоз. Борьба с этой его привычкой уже бесполезно, и я держу дома блок сигарет на случай, если у моего странного друга закончатся припасы. Он жутко страдает без сигарет. Ещё Василий жить не может без сладкого и без детективов, и я снабжаю его тем и другим два раза в месяц – в аванс и зарплату.

Надо сказать, Василий не злоупотребляет моим вниманием. Обычно он ждёт меня у подъезда два-три раза в месяц, не чаще. Иногда пропадает на два-три месяца, особенно зимой. Он специально крадёт какую-нибудь ерунду или затевает скандал в людном месте, чтобы его посадили в изолятор. Зимой там уютнее, чем на промозглых улицах и в сырых подвалах.

– Тебе предстоит большая потеря, Мась. Только не бей меня, ладно? – Сообщил Василий позавчера, затравленно глядя на меня.

Раньше он не давал мне таких предсказаний.

– Я тебя била когда-нибудь? – Спросила я, заливая перекистью водорода огромную ссадину на его плече.

Мой друг иногда подрабатывает грузчиком по случаю, но телосложение имеет хлипкое, а кожу нежную, и поклажа нещадно натирает худые плечи.

– Никогда, – заверяет меня Василий торжественно, словно я и впрямь не помню, била ли я его. – Ты добрая, – напоминает он горячо. – Добрая и великодушная. Твоя доброта поможет тебе пережить потерю. Она поможет тебе пережить многое, но не всё. На этой земле никто не может пережить всё, даже такие красивые и добрые, как ты.

Я слегка вздрогнула при упоминании о потере, но тут же успокоила себя тем, что прожить без потерь в любом случае не выйдет. Не сомневаюсь, что потеря будет, ибо они случаются у всех без исключения. В этом мой друг не ошибается.

Ошибается он в том, что я добрая. Я не добрая. Просто мне всю жизнь очень трудно отказывать людям в просьбах, а вообще я грубая, прямолинейная и циничная, как многие медики и биологи. Мы очень любим препарировать, и препарлируем всё, что нам попадает на пути – факты, события, явления, личности. Саму жизнь постоянно препарлируем, и она не остаётся в долгу, нарезаая из нас со временем жёсткие, больно хлещущие кожаные ремни, которым тоже адски больно, когда они хлещут кого-то.

Впрочем, безнаказанным в этом мире не остаётся никто, даже тот, кто ничего не делает и не анализирует. Он непременно получит свою порцию «пряников» за бездеятельность и безынициативность.

Надо бы подкупить ещё сигарет и карамелек и пустить жильцов в мою новую краснодарскую квартиру. Негоже ей пустовать годами в ожидании хозяйки.

Глава 3

– Это пройдёт, – успокаиваю я.

Шеф хорошо умеет работать лицом и вещать поставленным голосом нечто разумное и доброе с высоких трибун, а я хорошо умею успокаивать. Каждый из нас зарабатывает, как умеет.

Когда Игорь Никитич появляется на пороге моего кабинета с таким, как сейчас, выражением лица, я запираю дверь, застилаю дурацкий кожаный диван его любимой махровой простыней и достаю из шкафа удобные подушки. Он раздевается до нижнего белья, ложится, я укрываю его пледом или лёгкой простышкой, в зависимости от сезона, и начинается самое интересное.

Хотя, кого я обманываю? Начинается самая настоящая жесть.

Шеф говорит, я слушаю. Слушаю и понимаю, что ничего в этом мире не даётся просто так. Хочешь успеха, богатства, славы – огреби дерьмеца. Побудь куском дерьма для сильных мира сего сам. Удобри собой почву для чьего-то успеха, богатства, влияния. Справишься, докажешь свою продуктивность, целеустремлённость, преданность, тебе, возможно, разрешат стать кем-то ещё, если повезет, и не найдётся более достойной замены.

Шишкину повезло. Он оказался незаменим для своей тихой, неброской и абсолютно бездарной однокурсницы Ниночки. Девочка из звёздного рода влюбилась без памяти в обаятельного красавца из семьи простых учителей. Конкурс в театральные вузы всегда зашкаливал, но Игорьку повезло: он попал туда по квотам из самодеятельности. Раньше такое было возможно, сейчас уже нет. Однако даже тогда парню многие завидовали и говорили, что без блата всё же не обошлось.

Ещё многие говорили, что такому видному парню, как Шишкин, подошла бы девушка под стать – высокая, яркая, талантливая. Однако Игорёк ещё на абитуре успел побывать у Ниночки дома, где был совершенно околдован атмосферой роскоши и больших возможностей. Люди, подобные родителям Ниночки, способны сотворить звезду буквально из ничего, а уж из такого фактурного молодого человека сам Создатель велел.

Игорь Шишкин начал сниматься и прославился ещё в бытность свою студентом, спустя год после женитьбы на несуразной, зашуганной Ниночке. Это в тридцать она станет едва ли не иконой стиля, а в ранней молодости Нина Аркадьевна была подобна бледному, кривоватому ростку, случайно проклюнувшемуся в тени могущественного отца, знаменитой матери и невероятно талантливого старшего брата, чьи полотна до сих пор украшают мрачноватые переходы правительственных зданий.

Начальство театрального училища запрещало своим студентам сниматься в кино до окончания курса, но для третьекурсника Шишкина сделали исключение. Как не сделать, если парень нереально красив, невозможно талантлив, и фильм, куда его пригласили, о войне и её героях? К тому же, такие люди за него просят, что отказ равносильен, если не самоубийству, то нанесению самому себе тяжких телесных повреждений точно.

Директор училища был слишком разумен, чтобы не понимать. Ещё он понял, что с этого дня его долг – сделать всё для полного раскрытия дара своего подопечного. Он и делал, да ещё и удовольствие от процесса получал, ибо алмаз стоил огранки.

Звезда актёра Шишкина взошла стремительно и засияла ярко. Ему несли корзины с цветами, посвящали стихи и романсы, клали к его ногам любовь и честь, но дома ждали бесцветная, безгласная Ниночка, шумная, истеричная тёща, ироничный до смертельной ядовитости шурин и немногословный, вечно нахмуренный тесть. Они не давали забыть, кто он такой и кому обязан всем, что у него имеется. Они указывали, что носить, с кем и как общаться, чем питаться и где проводить свободное время.

– Один американский журнал написал, что я самый яркий русскоязычный актер современности, – небрежно просветил как-то раз Игорь Никитич семейство дорогой супруги.

При этом он картинно бросил тот самый американский дайджест на журнальный столик красного дерева ручной работы. Тёща ничего не сказала, а только покатила со смеху так, что слёзы из глаз брызнули. Она часто прибегала к этому приёму дома и на людях, вводя собеседника в ступор. Эта её манера выводила из себя, но что он мог сделать?

– Ни хрена себе, компот! – Отозвался великий художник Эдик, ненадолго вынимая изо рта модную трубку. – Да, ты у нас новый Бельмандель, оказывается! Мои нечеловеческие поздравления!

«Ты и есть не человек. Крокодил двуногий!» – С досадой думал Игорь в такие моменты. Брат Нины намеренно искажает фамилии известных людей, демонстрируя, таким образом, презрение к славе, почестям и прочим земным благам, но гонорары за свои работы берёт далеко не воздушные. Знаменитая мать и влиятельный отец исправно обеспечивали любимого сыночка заказами, а после ещё и зять подключился.

– Будь готов сегодня к восьми. Надень сиреневую рубашку.

Это уже тесть. Он водил за собой молодого красавца-зятя по всем вечерним мероприятиям. Нередко эти мероприятия завершались для Шишкина в будуаре какой-нибудь необыкновенно влиятельной партийной дамы или жены партбосса, потому что «так надо». Тесть так велел.

– Но Нина... – Начал Игорь в первый раз.

– Так надо, я сказал! – Зло повторил тесть. – Думаешь, откуда всё берётся, из воздуха, что ли?

– Значит, если я изменю вашей дочери...

– ...я тебе яйца отрежу и на лоб пришью. Будешь заек изображать на новогодних утренниках, пока не подохнешь, – мрачно пообещал тесть. – Ты должен понимать, где измена, а где долг. Долги таким голожопым, как ты, отрабатывать надо, ибо взять с вас больше нечего. Усёк?

– А если я разведусь с Ниной, уйду жить в общагу и устроюсь на завод? Я, между прочим, слесарь второго разряда!

– Не разведешься, не уйдёшь и не устроишься. Ты не такой дурак, во-первых. Второй слесарный разряд не дают, кому попало, понимать должен. А, во-вторых, представь, какая тебя ждёт жизнь. Знаешь, как к упавшим звёздам в рабочей среде относятся? Можешь хотя бы на секунду вообразить, что тебя там ждёт?

Шишкин мог. Он многое мог вообразить и не меньше вынести. Игорь Никитич необычайно терпелив и вынослив с детства, порода крепкая. К тому же, он знал лично несколько людей искусства, от которых отвернулись высокие покровители. Жребий их был ужасен, и Игорь терпел. Терпел указания тестя, необузданный нрав тёщи, насмешки Эдика, аморфность Нины, а после ещё бесконечные требования и «задвиги» трёх дочерей. Последние выросли, как на подбор, одна взбалмошной другой.

Игорю Никитичу помогали в его адовом терпении постоянные поездки в киноэкспедиции и на гастроли, бесконечные съёмочные дни, плотная занятость в спектаклях и радиопередачах. Помимо этого его голосом говорят многие киногерои иностранных фильмов и некоторые мультипликационные персонажи лет его расцвета. Актёр Шишкин хватался за любую работу, только бы реже бывать дома.

Правда, в экспедициях его почти всегда сопровождала Нина. Окружающие нередко восхищались её самоотверженностью. Их вторая дочка родилась сильно недоношенной в поезде по пути со съёмок в Мурманской области. Ребёнка чудом удалось выходить, но тот трагический эпизод не остановил прилипчивую мать в её бесконечном следовании за отцом. Он не укротил ненасытных тестя с тёщей. Не умаслил вредного, языкастого Эдика. Не уменьшил, а, наоборот, усилил внутреннее напряжение у вечно спешащего, по уши занятого актёра Игоря Шишкина.

Игорь Никитич всегда презирал алкоголь и одурманивающие препараты, но при такой жизни обязательно надо отвлекаться на что-то, иначе обезумеешь. Он научился отвлекаться от проблем и усталости, погружаясь в мир поэзии и живописи. Даже на красивых женщин Игорь Никитич со временем стал смотреть больше с эстетической точки зрения. Народный артист увлёкся анатомией для художников и рисованием портретов в графике. Это принесло успокоение в его суетный быт, обострило чувство красоты, но вызвало шквал насмешек великого живописца Эдуарда Машковского.

Недавно он принёс мне папку своих работ, кстати, весьма недурных. Для трёх из них я сама служила моделью. Мне понравились и процесс, и результат. Я просмотрела все работы и попыталась вернуть папку Игорю Никитичу.

– Пусть полежат у тебя, – ответил Шишкин, отворачиваясь, и я успела заметить, в какую горестную складку сложились его бледноватые губы.

Шеф путает время и теряет, сталкиваясь с открытой неприязнью и хамством. Он любит жить в роскоши, но при этом без ума от красот природы, архитектурных шедевров и классической поэзии. Он насквозь неправильный примерный семьянин и никуда не годный блестящий политик. Я по-человечески жалею его и люблю нежной, материнской любовью.

Нет, я не перепутала слово, и вы всё прочли правильно. Шеф старше меня на двадцать лет, неизмеримо богаче и могущественнее, но наши отношения напоминают любовь матери и сына.

Мы нашли друг друга, ибо шеф с детства недолюблен, а мой материнский инстинкт никогда не был удовлетворен в полной мере, хоть я и не осознавала этого. Мои дети рано научились ходить, говорить, обслуживать себя в быту. Они рано начали интересоваться вопросами бытия, читать, считать и писать. Ангелина и Андрей росли жутко самостоятельными и независимыми, быстро и без подсказок определились с выбором профессии и жизненного пути, рано начали подрабатывать и зарабатывать. Я нередко ощущала собственную ненужность в нашей с бывшим мужем странной, разобщённой семье.

Теперь я нужна. Нужна, как хлеб, как воздух. Нужна, потому что никто, кроме меня, не выслушает излияния и жалобы без оценок действий и упреков в моральной слабости. Нужна, потому что некому больше рассказать недолюбленному великовозрастному мальчику о том, какой он на самом деле сильный, смелый, настоящий.

Я нужна шефу, а он нужен мне, и дело тут не в вознаграждении, которое он даёт мне за труды. Я получаю ни с чем несравнимое удовольствие, смягчая его страдания. Моя душа поёт, когда Игорь Никитич, посвежевший и разглаженный, выходит из моего кабинета. Я ощущаю себя в подобные моменты доброй волшебницей и не устаю благодарить судьбу за встречу с этим человеком и наши с ним странные, перевернутые отношения. Я не смогу уехать домой в Краснодар до тех пор, пока он нуждается во мне, хотя именно он даровал мне такую возможность.

Жизнь полна парадоксов и недоразумений. Одно из них нервно застучало в дверь моего кабинета, едва та успела закрыться за шефом.

Глава 4

– Опять безуспешно? – Спросила я, постаравшись вложить в голос максимум сочувствия. На самом деле мне очень хочется съездить тяжёлой папкой по этой, надменно скукоженной и нисколько не симпатичной, хоть и молодой, физиономии. Старшего экономиста Данилушку Машковского никто не любит, и лично мне это совсем не странно. Мне тоже он адски противен, но я работаю с ним, потому что являюсь психологом организации, а не одного лишь шефа. Так написано в моей трудовой книжке и в трудовом договоре, и я не могу послать сотрудника к ядрили бабушке просто по своей прихоти. Не имею морального права.

– Как ты выносишь этого оглоеда? – Закатывая бледно-голубые, словно фарфоровые, глаза интересуется старший секретарь Елена Альбертовна, для меня просто Леночка. Она постоянно поправляет перед зеркалом свою сложную плетёную причёску и при этом не перестаёт сыпать интересными фактами и мудрыми советами. – Ему специально отдельный кабинет выделили, чтобы он не выносил мозги другим сотрудникам. Ладно, шефу некуда деваться, это племянник его жены. Ты-то зачем позволяешь ему садиться тебе на шею? Турни его разок, и всё! Тебе ничего за это не будет, я точно говорю.

– Знаю, что не будет, но я не могу отказать сотруднику организации в психологической помощи.

– Дура ты, Инка! – Бахает Леночка, отворачиваясь, наконец, от зеркала и глядя мне прямо в глаза, но тут же спохватывается: – В хорошем смысле, конечно, но дура. Лишние дела спихивать с себя надо, а не накрывивать.

– Чем это у вас пахнет? – Недовольно кривится Машковский-младший, едва переступив порог моего кабинета.

– Ароматическое масло, – отвечаю я ровным голосом.

На самом деле это массажный крем, но визитёра не касается, что я делаю в своём кабинете с другими сотрудниками, в том числе с его дядей. Особенно с его дядей.

Данилушка начинает метаться по кабинету в поисках аромалампы, но безуспешно. Я её уже убрала, причём ещё неделю назад. Аккурат после того, как мы устраивали с секретарями и бухгалтерами дамское чаепитие. Мы наслаждались в тот день помимо фруктов, фитнес-сладостей и чая, заваренного по всем правилам, ещё и ароматом масла апельсина. Шеф не любит всех этих «бабских» ароматов. Он у меня ярко выраженный тактил, то есть любитель прикосновений.

– Где она? – Заполотно вопрошает беспокойный тридцатидвухлетний пацанёнок.

– Кто? – «Не понимаю» я.

– Лампа!

– Вот, – указываю я на настольную лампу. – А зачем она вам?

Машковский-младший тяжело вздыхает и с размаху плюхается, не ожидая приглашения, на банкетку. Его худая, длинная спина, с запасом завернутая в коричневый стариковский пиджак, сиротливо округляется. Интересно, где он берёт одежду? Не удивлюсь, если донашивает папашину.

– Вот! Именно поэтому! – Изрекает отпрыск великого живописца, то ли грозя, то ли указывая мне на меня же длинным, ступенчатым пальцем. Я молчу. Он тоже молчит, ожидая наводящего вопроса, но его не будет, потому что мне не интересно знать, что «вот» и почему «поэтому». Мне вообще не интересен этот мальчик, и шёл бы он уже к той самой бабушке, к которой его регулярно направляет Леночка, к сожалению, только заочно и безрезультатно, но нет. Мальчик решает всё же просветить меня, несчастную: – Именно поэтому мне не везет с женщинами, – блеет он. – Все они не дотягивают до мужского уровня понимания.

– Ну, так попробуйте с мужчинами, в чём проблема?

Я ловлю себя на том, что закатываю глаза, как Леночка. Только у меня нет сложной причёски, которую надо всё время поправлять. Я ношу длинную лесенку: раз в три дня уложила, и порядок.

– Вы прекрасно знаете, Инна Андреевна, что мужчины меня не интересуют. Мне нужна, наконец, нормальная, понимающая женщина!

Женщинами наш герой-любовник называет абсолютно все человеческие существа женского пола. Для него не существует девушек, девочек, бабушек, не говоря уже о разных там крошках, малышках и цыпочках.

– Все женщины не дотягивают до мужского уровня понимания, но очередное свидание сорвалось вчера конкретно у Данилы Эдуардовича Машковского. Правильно я поняла?

– Даниил! – Кричит Данилушка своим резким, каркающим голосом. – Меня зовут Даниил!

Лицо парня становится ещё страшнее, чем обычно, прямые, не очень опрятного вида темно-каштановые волосы растопыриваются окончательно, а в небольших карих глазках загораются нездоровые огоньки. Я молча достаю с полки папку пациента Машковского и демонстрирую копию его паспорта. Ещё в самом начале работы здесь я не поленилась, взяла в отделе кадров личные дела и сняла ксерокопии с ксерокопий всех паспортов сотрудников. Меня не обманешь. По крайней мере, в этом. В чём-то другом – пожалуйста, но в этом...

– Вас зовут Данила, – бесстрастно констатирую я, и мой собеседник, кажется, готов меня ударить.

Только он никогда этого не сделает. Данилушка у нас примерный мальчик, и ему не нужны неприятности с дядей, родителями и законом.

– Где дядька умудрился откопать такого бездарного психолога? – Саркастически интересуется он.

– Потрясающе! – Отвечаю я, аплодируя стоя. – Кто-то постоянно оскорбляет женский пол, проваливает одно за другим все свидания, намеренно искажает собственные паспортные данные, а я, оказывается, при этом бездарный психолог!

– Вы ничем не смогли помочь мне за полтора года! – С пол-оборота заводится несостоявшийся мачо. – Ни один мой роман...

– ...так и не начался. Аминь, – Завершаю я торжественно. – А ничего, что вы не хотите работать над собой? Не приемлете никакой критики в свой адрес, даже самой мягкой? Не хотите...

– Это вы не хотите мне помочь, – грустно изрекает Данилушка, отворачиваясь к окну. – Не хотите дать мне ключ к пониманию женской натуры.

– Может, вам поискать другого психолога?

– Другой психолог стоит нехилых денег, – просвещает меня великий экономист. – Да, и ходил я уже к ним, к разным, – машет он устало худенькой ладошкой, напоминающей птичью лапку. – Толку – ноль. Женщины бегут от меня, как от зачумлённого. Да, я, предположим, не красавец с кубиками. Не спортсмен с голубыми глазами. Не мачо. Но сколького я добился! Сам! Без помощи отца!

«С помощью одних лишь матери и дяди», – так и подмывает меня вернуть, но я молчу, потому что мне хочется, чтобы этот скрюченный субъект поскорее шёл бы уже трудиться. У него это хорошо получается. Действительно хорошо. Не может быть в человеке всё плохо, но личная жизнь – явно не его стихия.

– Вы очень многого добились, Данила Эдуардович, – произношу я с чувством. – Вы редкий специалист, и ваши заслуги перед компанией трудно переоценить, – мальчишка впивается в меня тёмно-карим взглядом, лихорадочно соображая, где тут подвох, и тот не заставляет себя ждать: – но что вы можете предложить девушке?

Несостоявшийся герой-любовник подпрыгивает от досады на месте и картинным жестом принимается трепать узел галстука, одновременно расстегивая верхнюю пуговицу пожелтевшей от времени рубашки. Ему буквально перестаёт хватать воздуха, когда речь заходит о том, что он должен кому-то что-то дать или хотя бы предложить. Эта мысль способна вызвать у племянника шефа настоящую паническую атаку, если начать развивать её.

– Я хочу, чтобы меня любили просто так, не за деньги, не за заслуги и не за услуги. Неужели это так много? – Жалко скрипит Данилушка, прикрывая глаза правой рукой.

Парень раскачивается из стороны в сторону, и на него больно смотреть. Ещё непонятно, о чём с ним говорить. Человек регистрируется на сайтах знакомств, в мобильных приложениях, в разделе брачных объявлений газеты «Весёлый огородник», в уголке информации своего подъезда, ещё дьявол пойми, где, и везде указывает скромную должность, низкую зарплату, заурядную внешность. Как вы понимаете, кроме последнего, всё неправда.

– Это отсекает охотниц за богатством, – поясняет далеко не бедный старший экономист и потенциальный наследник внушительного состояния.

Хорошо, отсекает. Дальше что? А дальше наш искатель бескорыстной любви получает сообщения от обычных девушек, скромных и не очень, и идёт с ними на свидание, заранее предупреждая, что платить «женщина» будет за себя сама. Девочки-девочки сразу отсеиваются. Остаются слегка феминизднутые либо совсем уж отбитые экземпляры.

Первые ограничиваются обычно одной встречей, на которой их честно предупреждают, что подарков не будет даже по праздникам, в кафе их больше не пригласят даже при условии, что каждый платит за себя, ибо это лишние, никому не нужные расходы, машины нет, а жить, если что, им предстоит в коммуналке. Вторые остаются, но дают понять, что согласны попробовать продолжить отношения на условиях полного подчинения «никчёмного» парнишки.

Наш неутомимый поискун пару-тройку раз попробовал «полностью подчиниться», но быстро вспомнил, что мужчина в паре главный. Думаю, ему не понравился след от ошейника, да и ожоги от сигарет не так безобидны, как это может показаться вначале. Разряд тока в задний проход, коим угостила его как-то раз одна роковая брюнетка, окончательно излечил Данилушку от иллюзии, что позволять, кому попало, крутить из себя фарш – хорошая идея, даже при условии полной её бесплатности. Однако разряд тока, не говоря о тех же ожогах и битье ремнём, не убедил молодого человека в том, что равноправные отношения требуют неких вложений с обеих сторон.

– Любить нас по факту существования могут только родители, – озвучиваю я очередную заплесневелую мудрость, и мой собеседник, в который уж раз, гневно вскидывается.

– Он никого не любит! – Кричит великовозрастный мальчуган, имея в виду своего отца. – Это эгоист, каких...

– Неважно, – перебиваю я.

– Что неважно? Мой нерешённый конфликт с отцом неважен? Да, вы, вообще, психолог или кто?!

– Или кто, – соглашаюсь я без колебаний. – Психологи обычно ковыряются в нашем ментальном дерьме за деньги, а я классическое «или кто», – кажется, возмущению побеждённого солдата личного фронта нет предела. – Однако у меня есть план, – изрекаю я многозначительно.

– Очередной план, который...

– ...никакой не очередной. Раньше я вам только указывала на ошибки и никаких планов не предлагала.

– И в чём же ваш план?

Сколько сарказма в голосе! Вылитый папаша. Не зря они уже почти тридцать лет конфликтуют, как бешеные. Я открываю шкаф, извлекаю оттуда аромалампу и торжественно вручаю её будущему покорителю сердец.

– Держите. Вы же её искали?

– Когда я её искал?

Как же быстро он заводится! Нервишки-то совсем ни к чёрту.

– Когда только вошли. Помните? Берите, пока дают!

– На кой она мне?

– Зажигать. Я слышала, у молодёжи модно нынче зажигать и мутить, вот, и займётесь этим сегодня же после работы.

– Куда вы клоните?

– Никому не говорите, – жарко зашептала я. – Эта лампа не простая, а волшебная!

– Ага. Из неё вылезет Джинн и скажет, что я скрюченный, облезлый дурак, – развеселился Данилушка и сделался, в кои-то веки, похож на нормального человека, а не на скукоженный чернослив. Я тоже рассмеялась его шутке.

– Нет, это так не работает. Зажигать нужно свечку в лампе, а мутить... Вот, вам маслице волшебное, ароматное. Пользуйтесь на доброе здоровье, да плана моего придерживаться не забывайте. А план мой состоит в том, чтобы вы, Данила Эдуардович уважаемый, на время, я подчеркиваю, на время, изобразили из себя некоего молодого человека, которого хотят видеть девушки на свидании: модно одетого, красиво подстриженного, парфюмом благоухающего, комплименты рассыпающего. Помимо всего прочего, в кафе, кино и прочих увеселительных заведениях за себя и подругу радостно платящего. Вам ясно?

– Нет, не ясно! Мне не ясно, какая цель этой нелепой игры не в себя самого!

– Посмотрите, как девушки станут к вам относиться в этом случае. Выясните глубину их, так сказать, безнадёжности.

– Вы явно задались целью довести меня до нервного срыва! – Зло выпалил Данилушка, наставив на меня длинный, костлявый указательный палец после довольно продолжительного молчания.

– Да. Именно, – согласилась я. – Устройство личной жизни – процесс сложный и нервный. Поэтому я и даю вам аромалампу и смесь успокоительных масел в придачу. Обязательно зажигайте её каждый день перед сном минут на пятнадцать. Нервы станут крепкими, мысли ясными, планы чёткими...

– Нет, вы меня точно за дурака держите!

– Ну, тогда... – Я протянула руки, чтобы забрать свои дары, но не так-то просто выцарапать из клешней потомственного экономиста то, что в них ненароком попало.

– Я попробую всё же, – решил Данилушка. – Поставлю эксперимент и докажу вам, что все женщины...

– ...милейшие существа, если их гладить по шёрстке, а не наоборот.

Машковский-младший вскинул, было, свободную руку, чтобы погрозить мне пальцем, но передумал и, недовольно отмахнувшись, скрылся за дверь. Спасибо, не плюнул с досады. Я устало рухнула в гостевое кресло.

Глава 5

– Можно? – До чего мелодичный голосок!

– Не только можно, но и нужно, – отзываюсь я, встряхивая себя, как наволочку перед повешением на бельевую верёвку.

Алиночка Шиханская входит в кабинет как-то боком. Это было бы не странно, будь она хоть сколько-нибудь корпулентной барышней, но Алина стройна, как лань. Беда в том, что молодой помощнице юриста постоянно кажется, что она имеет излишек веса. Девушка несколько лет страдает серьёзным пищевым расстройством.

Я догадалась об этом ещё в первый день работы, и догадка моя не замедлила подтвердиться. Увидев сие воздушное создание, я поняла, что Алина – первый мой пациент после шефа. Так оно и вышло. На третий день работы девушка упала к моим ногам.

Упала не в смысле начала умолять о чём-то, а упала в голодный обморок на лестнице, скатилась с неё и распласталась, едва не задев носки моих новых лаковых туфель. Устроившись на работу, я начала увлечённо выгуливать наряды, скопившиеся в шкафу за годы затворнического бытия домохозяйки. Это сыграло особую роль в становлении наших с Алиночкой взаимоотношений. Ей нравится мой стиль, мне её, и мы с ней можем подолгу обсуждать модные вопросы, но это будет потом. В третий мой рабочий день она лежала в роскошном бирюзовом платье почти бездыханная на слегка затоптанном светлом плиточном полу, а я кричала в телефон:

– «Скорая»! Примите вызов, пожалуйста!..

В обеденный перерыв Алиночка обычно порхала по лестнице вверх-вниз, типа это у неё такой бесплатный фитнес. В то же самое время большинство её насквозь неправильных обжор-сотрудников сидело в столовой или кафе за «корытами с хрючевом» либо поглощало «бомбы замедленного действия».

Последние по факту самые обычные бутерброды, которые приносят с собой и едят многие работники прямо в офисе, не сходя с рабочего места. Хрючевом наша красота называет любые блюда, где содержится больше одного, максимум двух, ингредиентов. Сама она нередко обходилась раньше одним яблоком или ста граммами отварной куриной грудки в день. Думаю, она и сейчас легко может перейти на подобный рацион, если оставить её состояние без контроля специалистов.

Алина состоит на учёте у диетолога, эндокринолога и психиатра. Она прошла длительный курс лечения в специализированной клинике. Ещё девочка ходит примерно раз в неделю, иногда чаще, ко мне, и мы занимаемся арт-терапией. Я никому не показываю её рисунки, потому что они очень страшные: сплошные мерзкие чудовища и их окровавленные, растерзанные жертвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.